

В. КОСАЧЕВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК ИЗ НОЧИ

В. КОСАЧЕВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК ИЗ НОЧИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

· МОСКВА · 1962

Косачевский Виктор Адольфович

„ЧЕЛОВЕК ИЗ НОЧИ“ /

Редактор *В. М. Чикул*

Художник *Б. А. Диодоров*

Художественный редактор *И. Ф. Федорова*

Технический редактор *Н. М. Тарасова*

Корректор *М. И. Буланова*

Сдано в набор 27/I 1962 г.

Формат бумаги 84×108/32.

учетно-изд. л. 2,96.

Тираж 50000.

Объем: физ. л. 1,75;

А-00910.

Подписано в печать 5/IV 1962 г.

печ. л. 1,75; условн. печ. л. 2,94;

Цена 7 коп.

Заказ № 152.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38 — 40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.

Ленинград, Измайловский пр., 29.

1

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ, пройдя сквозь решетчатое окно, расположенное под самым потолком тюремной камеры, скользнул по лицу Курашева, и в тот же миг в коридоре задребезжал звонок: подъем.

Курашев еще не успел открыть глаза, как сосед его, спавший над ним, на верхней койке железной двухъярусной кровати, прыгнул на цементный пол. Сразу стало шумно. Здесь были люди, впервые совершившие преступление, были и рецидивисты.

Вставать Курашеву не хотелось. Большую часть ночи он пролежал без сна. Только под утро, когда уже начало светать, ему удалось уснуть.

От бессонной ночи болела голова. Это была его тринадцатая бессонная ночь в старинной, сложенной из известняка тюрьме приморского города. Курашев попытался снова заснуть, быть может, только на несколько

минут, пока не придет надзиратель. Но сна уже не было, и Курашев протянул руку к тумбочке, на которой лежала его одежда, по многолетней флотской привычке сложенная в строгом порядке.

На койке рядом высокий старик в очках с самодельными заушниками вслух читал вчера вечером полученное обвинительное заключение. Он медленно и трудно произносил слог за слогом, словно обухом вгонял гвозди в дубовую доску. Курашеву не хотелось верить, что этот неторопливый, и, кажется, такой добродушный человек в ярости мог убить плотничьим топором соседа по коммунальной квартире, злостного хулигана и пьяницу.

Курашева тоже обвиняют в убийстве. И кого! Сына 'Алеши! Как это могло случиться? Он не виновен, хотя не может ни опровергнуть, ни объяснить простые и очевидные доказательства его мнимой вины, и вопреки всему верит, что будет оправдан. Истина должна победить, как бы необъяснимо ни сложились обстоятельства, опутав его цепью, казалось бы, бесспорных и гибельных для него улик.

...Днем лежать на койке запрещено, и Курашев, сидя за столом, делал вид, что читает, а на самом деле дремал. Так было каждый день. Ночью он не мог заснуть, а днем ему нестерпимо хотелось спать.

В коридоре слышались шаги. Курашев поднял голову. Глазок в железной двери открылся, кто-то заглянул в камеру. Потом в замке заскрипел ключ, дверь отворилась и вошел надзиратель.

— Курашев, на выход...

Вероятно, опять допрос. Опять все то же. Но ведь Курашев все сказал. Он не может признаться в том, чего не совершил, даже если это кажется кому-то доказанным...

Его ведут по длинному коридору тюрьмы. Руки заложены за спину. Шаги гулко отдаются на выстланном каменными плитами полу. Курашев и надзиратель выходят во двор и по асфальтовой дорожке идут в следственный корпус. Обитая клеенкой дверь. В продолговатой скучной комнате все знакомо Курашеву. Сидя на табурете, он смотрит, как надзиратель и следователь Горяев расписываются на вызове: сдал, принял.

Надзиратель вышел. Горяев подошел к Курашеву.

— Позвольте вас поздравить, товарищ Курашев, — он протянул ему руку и улыбнулся.

Курашев с трудом поднялся с табурета. От волнения у него дрожали руки. Вместо сухого, официального обращения «гражданин» его называли милым, «вольным» словом «товарищ».

— Я вызвал вас, товарищ Курашев, чтобы сказать, что предъявленное вам обвинение не подтвердилось. Убийца найден и арестован. Сейчас вас освободят...

Снова, теперь уже в последний раз, надзиратель провожает Курашева по гулкому тюремному коридору. Они проходят в канцелярию, где Курашеву возвращают часы, бумажник и выдают справку о том, что он освобожден за недоказанностью обвинения.

Много раз думал Курашев, что неизбежно придет этот день. И вот он на свободе. Но куда идти? Дом его пуст. Следователь сказал ему, что жена уехала. Как же быть? Покинуть эти места, где на его долю выпало столько горя, и начать все заново? Что ж, вероятно, так будет лучше всего. Он побывает на Алешиной могиле, оформит документы и уедет навсегда.

Когда Курашев подошел к пристани, солнце светило так ярко, что все вокруг казалось белым. Знакомый катерок покачивался у причала. Год назад Курашев плыл на нем в чужой город, к новым людям, начинать новую жизнь. Неужели это было только год назад?

Тогда на борту катера было написано красивое греческое слово «Форос». Теперь катер перекрасили, вместо названия появились буквы и цифры. От этого катерок стал строже и официальнее. Но люди на нем были те же. Малоизвестные Курашеву люди. Тем неожиданней была теплота, с которой его встретили. Они, оказывается, уже знали его печальную историю. Матрос Катя, голубоглазая, крепкая, как причальный кнехт, девушка, приветливо улыбнулась ему, а капитан катера Иван Лаврентьевич крепко пожал руку.

— Что ж, в жизни всякое бывает, — сказал он. — Но правда всегда верх возьмет. Не может человек без вины пострадать. Верю я в это. А хлопчика за что сгубили злодеи...

— К себе поедете? — спросила Катя.

— Только за вещами, жить я там больше не буду, — ответил Курашев.

— Понятно... Пожалуй, вы правы, — вздохнул капитан. — Вот что, Иван Сергеевич, приходите ко мне вечером, когда приедем. А? Пообедаем вместе, выпьем

по стаканчику, потолкуем. Живу я недалеко от вас, возле старой мечети, знаете?..

И впервые за многие дни ожесточения и отчаяния нестерпимая жалость к себе, к Алеше сдавила сердце Курашева.

...Долго сидел Курашев у холмика, под которым похоронили Алешу. Пошел дождь и, обильно смочив землю, перестал. День клонился к вечеру, а он все сидел, уронив голову на руки. После дождя зелень стала свежей, остро пахло влажной землей, туей и какими-то незнакомыми цветами. Вершины пирамидальных тополей высоко уходили в небо. Кукушка, предсказав кому-то долгую жизнь, умолкла, и стало так тихо, как бывает только на кладбище.

Курашев не думал о будущем. Слишком живо было все то, что пережил он за этот страшный год. Ровно год. Тогда тоже была весна...

2

БЫЛА ВЕСНА... Белый катерок, на борту которого крупными буквами выведено: «Форос», издал басистый рев, неожиданно могучий для такой скорлупки, и капитан крикнул: «Отдай концы!» Девушка-матрос, по имени Катя, ловко убрала сходни, решительно застучал мотор, и Курашев отправился в путь. На берегу стояли провожавшие его товарищи. Они что-то кричали ему вслед и махали фуражками. Курашев долго смотрел на убегающий берег, на друзей, с которыми связано так много в его жизни...

Вот уже исчезла вдали пристань. Как сложится теперь его жизнь, где будет его дом, каких людей встретит он на своем пути — всего этого Курашев не знал. На душе у него было тревожно. А не совершил ли он ошибку? Ведь можно было не демобилизовываться, остаться на подводной лодке. Там был привычный мир простых и ясных отношений, суровой и грубоватой мужской дружбы, распорядок, раз и навсегда определенный уставом. Но, оставшись во флоте, он не смог бы взять к себе сына Алешу. Сейчас мальчик живет у чужих людей... Нет, он поступил правильно. Он станет воспитывать сына, у него будет семья.

Курашеву было все равно, где жить. Не хотел он лишь возвращаться на старое пепелище. Зачем? В том городе на Украине, где он жил до войны, не осталось ничего, кроме воспоминаний. За годы военной службы он полюбил Черное море, полюбил Крым. А что если остаться здесь, в Крыму? Курашев огляделся. Катер ходко бежал вдоль берега. Мелькали золотистые песчаные пляжи, зеленели парки, виноградники, вдали вырисовывались очертания гор, безоблачное небо синей чашей опрокинулось над морем. Низко, почти задевая гребешки волн, пронеслись чайки, кувыркались в изумрудной воде дельфины...

Взревел гудок, на этот раз почему-то целым тоном выше. Катя, держа в руках чалку, прыгнула на пристань.

Над морем, похожая на исполинского медведя, высилась лиловая гора, окруженная живописными скалами. У ее подножья теснились чистенькие белые домики. За пристанью раскинулся парк. Место было чудесное.

Курашев как-то сразу решил, что дальше не поедет, подхватил свои чемоданы и сошел на пристань.

— Куда же вы? — спросила Катя. — Ведь у вас билет до Алушты.

— А мне здесь понравилось, — улыбнулся Курашев. — Отправляйтесь дальше без меня. — Он повернулся к капитану. — Старому морскому волку доброго плавания!

Камеры хранения здесь не было. Миловидная кассирша, сжавившись над приезжим, растерянно стоявшим возле двух больших чемоданов, высунулась из окошечка.

— Тащите-ка вещи ко мне в кассу. Не беспокойтесь, все будет цело.

Курашев поблагодарил девушку, пристроил свои чемоданы в углу небольшой комнатки и налегке пошел в город.

Пыльная каменистая дорога привела его прямо в центр города Д., к зданию районного Совета.

Председатель исполкома, лысый добродушный толстяк, встретил Курашева приветливо:

— Ну, чем могу быть полезен? — спросил он.

Курашев назвал себя и сказал, что хотел бы здесь поселиться.

— М-да... А специальность у тебя какая? — спросил председатель, сразу переходя на «ты».

— Механик.

— Добре. Профессия подходящая. Только прямо тебе скажу, насчет жилья на готовенькое не рассчитывай. После войны у нас осталось много разрушенных домов. Вот и бери любой да восстанавливай.

Записав адреса, Курашев вышел из райсовета и снова зашагал по пыльной дороге. Первым в списке значился дом № 17 по улице со странным названием «Гуляй-ветер». Увы, ветер по ней не только не гулял, но даже не шевелил листву платанов: в этот солнечный день воздух был неподвижен и зноен. Курашев прошел в конец улицы. Дальше был пустырь, а за ним гора. На воротах последнего дома он увидел цифру 15 и фанерную дощечку с фамилией Володис.

В ответ на стук в калитку раздался громкий, захлебывающийся собачий лай. За глухим забором ничего не было видно. Он уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг во дворе раздался низкий женский голос:

— Брут, на место!

Вслед за этим щелкнул замок, и калитка приоткрылась, удерживаемая цепочкой.

— Кто там? Чего нужно?

— Простите, пожалуйста, — сказал Курашев. — Вы не скажете, где здесь дом семнадцать?

Женщина захлопнула калитку, звякнула снимаемая цепочка, и на улицу вышла явно не желающая стареть дама, одетая в ярчайший халат. Ее подкрашенные губы были недовольно сжаты, густой слой пудры не мог скрыть морщин на лице. С неудовольствием посмотрела она на незнакомого человека.

— А зачем вам этот дом понадобился? Там уж который год никто не живет, да и от самого дома почти ничего не осталось. Только вон те развалины, видите, у самой Медведь-горы...

Курашев назвал себя и рассказал о предложении председателя исполкома. Женщина всплеснула руками.

— Да что же это такое! Вы офицер, защитник отечества, а вам дают какие-то развалины, да еще на окраине! Послушайте моего совета, идите к этому председателю и требуйте квартиру в новом доме, ведь сейчас так много строят...

Но Курашеву понравилось, что дом уединенно стоит у живописной Медведь-горы. Ему хотелось тишины, покоя, и он решил в нем поселиться.

Вся правая половина строения была начисто отсечена, видимо, прямым попаданием бомбы. И все же это его дом. Дом, где будет жить он сам, где будет жить его сын, его семья. Дом, которого еще нет. Семья, которую еще нужно создать. Когда-то этот дом был хорош. Ну, а теперь...

Курашев, надев выгоревшую робу и кирзовые сапоги, ходил вокруг дома, прикидывая, как бы из этих развалин сделать сносное жилье.

Дом стоял уединенно, в стороне от города, и редко кто проходил мимо. Лишь к вечеру, когда Курашев, устав после целого дня тяжелой работы, присел покурить, с ним разговорился случайный прохожий.

— И на что вам вся эта махина сдалась? — сказал этот человек, высокий мужчина лет сорока, одетый в линялую гимнастерку, судя по всему, бывалый солдат. — Левая половина дома цела, в ней две комнаты. Хватит вам. Надо поставить новую стену, а лишний камень убрать.

На другой день новый знакомый и еще двое его друзей, тоже бывших солдат, работали рядом с Курашевым. Они решили помочь ему сделать самую тяжелую работу по ремонту дома.

Дни на юге длинные, и к вечеру Курашев уставал так, что замертво валился на самодельный топчан в большой комнате, где сквозь худую крышу он видел созвездие Гончих Псов, а чуть поправей — знакомый с детства ковш Большой Медведицы.

Наконец, Курашев отпраздновал новоселье. А незадолго до этого новые друзья устроили его работать на автобусную базу.

Все было бы хорошо, если бы не одиночество. После работы Курашев приходил в пустой дом, разогревал ужин и одиноко коротал вечер. В эти тоскливые дни пришло ответное письмо от Зои.

Курашев познакомился с Зоей на шефском вечере за несколько месяцев до отъезда. Она была недурна собой, держалась непринужденно, то и дело звонко смеялась, зная, что у нее красивые зубы и улыбка ей идет. Словом, Зоя понравилась Курашеву. Они много танцевали, Зоя любила и умела танцевать. Проводив ее домой, Курашев задержал руку девушки в своей и спросил:

— Мы с вами еще увидимся?

Они провели вместе ближайшее воскресенье, а затем стали встречаться часто. Зоя чего-то ждала, но Курашев медлил, у него не было такого чувства, что Зоя та единственная женщина, без которой нельзя жить. С ней ему было нескучно и хорошо, но, расставшись с Зоей, он мог не вспомнить о ней до следующей встречи. Потом они повздорили по какому-то пустяковому поводу, но ни он, ни Зоя не сделали до его отъезда первого шага к примирению, и Курашев уехал.

Теперь, когда тоска одиночества стала все чаще грызть его, Курашев написал Зое теплое письмо, сказал, что она ему нужна, что без нее ему тяжело и недостойно.

И вот ответ. Оказывается, все это время Зоя думала о нем, скучала, хотела написать ему, но не знала адреса.

Взяв отпуск, Зоя приехала к Курашеву в Д. Она поселилась у своей знакомой, но почти все время проводила с Курашевым. Когда дни отпуска пришли к концу и Зоя собралась уезжать, оба они почувствовали, как трудно им расстаться.

— Оставайся, Зоя. Я тебя люблю и буду тебе хорошим мужем, — сказал ей Курашев. — Но ты знаешь, у меня есть сын. Я хочу привезти его сюда, хватит уж нам жить врозь...

Через две недели после свадьбы Курашев уехал за сыном.

3

АЛЕША УЗНАЛ ОТЦА СРАЗУ. Он не отходил от него, боясь, как бы внезапно исчезнувший из его детства и так же неожиданно появившийся вновь отец — высокий, сильный, мужественный — снова не исчез. Ночью Курашев проснулся от осторожного прикосновения. Шершавой мальчишеской ладонью Алеша дотронулся до руки отца.

— Ты не уедешь без меня?

— Что ты, сынок! Теперь мы с тобой всегда будем вместе.

— Всегда-всегда? Каждый день?

— Каждый день. Вот увидишь, какой у нас хороший дом, под горой, у самого моря.

— А скоро мы туда поедем?

— Завтра. Спи, милый.

Поезд уходил утром. Алешины вещи были собраны еще накануне, оставалось только проститься с Тарасом Степановичем Турченко и его женой Клавдией Петровной, заменившими Алеше родителей. Бездетные старики взяли мальчика к себе в 1942 году, считая его сиротой, и очень привязались к нему.

Перед отъездом Тарас Степанович вызвал Курашева в прихожую.

— Полюбили мы твоего сына, Иван Сергеевич. Ну да что поделаешь... Конечно, родного отца ему никто не заменит. Только вот что я хотел сказать. Ты вчера говорил, что женился недавно. Боюсь я, как бы жинка твоя... Все-таки мачеха... Ну да ты сам понимаешь...

— Понимаю. Не беспокойтесь, сына в обиду не дам.

— Да я не к тому. Я только хотел сказать, ежели что — мы вам обоим всегда рады будем.

— Спасибо, Тарас Степанович, за все спасибо.

— Ну, а теперь пойдем присядем перед дорогой, как водится.

Клавдия Петровна, глотая слезы, сунула Алеше пакетик со снедью, и Курашев с сыном поехали на вокзал. А через час поезд уже мчал их домой, в Крым.

Вагон был переполнен, но вскоре все разместились, перезнакомились, и оказалось, что совсем не тесно. В тот год был небывалый урожай арбузов. Не раз на станции они покупали огромный арбуз, и отец перочинным ножом разрезал его на крупные ломти. Им было хорошо вдвоем. Алеша гордился отцом. У него был именно такой отец, о каком он думал все эти годы разлуки.

* * *

— Милый мой мальчик, какой же ты хорошенький! Теперь ты всегда будешь с нами, я буду твоей мамой.

Женщина не понравилась Алеше. Слишком много сладких слов и поцелуев. Он не любил девчоночьи нежности. Старики, заменившие ему родителей, любили его, но никогда об этом не говорили и особенно не нежничали. Алеша был человек воспитанный, он вежливо поздоровался с мамой Зоей и поцеловал ее в щеку.

— Нужно записать его в школу, — сказала Зоя.

— Да, мы привезли справку, — ответил отец.

Все замолчали. Алеша не выдержал:

— Можно мне пойти в сад?

Давно уже никто не ухаживал за садом. Между ди-ковинными для Алеши деревьями бурела высокая осен-няя трава. Какие-то оранжевые бубенчики росли среди чертополоха, конского щавеля и крапивы. Буйно раз-росся кустарник. Уже созрел кизил. Алеша нарвал горсть ярко-красных вкусных плодов, похожих на лакирован-ные крупные капли. На земле под огромным деревом ле-жали перезревшие грецкие орехи. Здесь все было дру-гое, необычное.

За три дня Алеша перезнакомился с окрестными ре-бятами, и они признали его своим. Стояли теплые осенние дни. Ребята купались в море, загорали, ловили рыбу, ныряли за ракушками.

Начался учебный год. Несколько ребят из класса Алеши были ему уже знакомы. Дружба, начавшаяся на берегу моря, закрепилась в школе. Это был его собствен-ный мир, в котором все так ясно и просто.

Зато дома ясности не было. Отец часто ссорился с Зоей, и после этого она переставала разговаривать не только с мужем, но и с Алешей. Неделями он не слышал от своей новой матери спокойного слова. Все со злобой, с визгом.

Отец приходил с работы поздно, был хмур и нераз-говорчив. Алеша понимал, что отец сердит на мачеху, но почему он перестал замечать и его?..

Вечерами все трое молча сидели в столовой, каждый в своем углу. Отец читал или что-то писал. Алеша делал уроки или мастерил бензиновый моторчик, а Зоя лежала на диване и о чем-то думала. Иногда она уходила «к подруге». Возвращалась поздно. Отец не спал, дожидаясь ее, и вновь вспыхивала ссора.

В последнее время отец стал часто приходить домой пьяным. Мрачный и неразговорчивый, он ложился спать, не обращая внимания ни на жену, ни на Алешу. Неве-село стало в доме Курашевых.

Как-то утром отец, уходя на работу, сказал Алеше:

— Хорошенько учи уроки, а то Иван Михайлович сердится на тебя: много троек нахватал. Грозился вы-звать на педсовет. Срам-то какой...

Что мог ответить Алеша? Он знал, что вслед за от-цом уйдет из дома и Зоя. А перед уходом она скажет ему:

— Начисть картошки да последи за молоком, чтоб не убежало. Подмети пол, воды принеси...

Алеша учился во вторую смену. Только-только успевал он сделать то, что велела мачеха, и пролистать учебники, как надо было уже бежать в школу.

В теплые солнечные дни, часам к одиннадцати, под окнами появлялись ребята.

— Алешка! — кричал Коля Кучеров. — Потопали на баржу, будем бычков ловить. У меня новая удочка!..

— Идите, я потом приду, — отвечал Алеша. — Она знаешь сколько работы надавала...

Но он так и не приходил. Мелочная работа по дому занимала все его свободное время.

Отец этого не знал. Не знал он и о том, что Алеша иногда пропускал занятия.

... — Курашев, ты почему вчера не был в школе? С начала учебного года у тебя больше всех пропусков. Не удивительно, что ты имеешь уже две двойки.

Алеша молчит.

— Что ж ты молчишь? — Голос учительницы теплее. — Алеша, что с тобой, ведь ты хорошо учился?

Алеша смотрит на черную, изрезанную поверхность парты. Что ответить? Разве расскажешь чужим людям, что отец пьет теперь почти каждый день, что мачеха задержала Алешу, груба с ним...

Молчание длится долго. Оно становится осязаемым, тяжелым. Оно гнетет ребят.

— Можно я скажу? — Коля Кучеров поднял руку.

— Говори, Кучеров.

— Его мачеха заставила окапывать на зиму деревья и возить на тачке навоз, а в школу не пустила.

— Алеша, это правда?

Алеша молчит. И зачем только сказал об этом Колька!

4

В ЭТУ ЗИМУ снег так и не выпал. Под непрерывными дождями мокли черные деревья. Побуревшие листья лежали на непросыхавшей земле. Море стало мрачным. Стремительно набегали на берег высокие гряды волн.

Для Алешы это было плохое время. Отец и мачеха продолжали ссориться. Дома было скучно и неприятно. Часто, когда кончались уроки, Алеша подолгу бродил

по берегу. Там, вдали, где был край моря и начиналось унылое зимнее небо, Алеша видел паруса рыбацких баркасов или очертания теплоходов.

Здесь было спокойно и хорошо. Не хотелось идти домой, где в каждом слове отца и мачехи чувствовалась взаимная отчужденность и неприязнь. Но идти было нужно.

Однажды вечером встревоженный отец показал ему странной формы инструмент.

— Не ты принес этот ледоруб?

— Нет. — Алеша взял в руки полумолоток, полутопорик на длинной ручке. — Я такого никогда не видел.

— Это ледоруб, альпинисты вырубают им ступени в ледяных склонах гор, — сказал отец. — Я нашел его в столовой у камина.

Кто-то побывал в доме. На террасе были следы ног. Грязная подошва четко отпечаталась на крашеном полу комнаты. Но дверь была заперта на ключ, замок цел и в доме ничего не пропало. Все это было очень странно. Вор? Очевидно, нет. Но кто же тогда?

Впрочем, у Курашева было на этот счет свое мнение. Узнав, что ледоруб принес не Алеша, он презрительно бросил жене:

— Это все твои штучки. Мало того, что ты вечерами где-то болтаешься, уже домой гостей стала приводить...

Зоя была оскорблена. Она стала кричать, что не виновата, что никто к ней не приходил и не оставлял эту «чертову кочергу» и что она не позволит себя позорить.

Не дожидаясь конца перебранки, Алеша стал проверять, целы ли его сокровища. Альбом с иностранными марками и новенький спиннинг, подаренный ко дню рождения отцом, были на месте. Не было главного: кавказского кинжала в серебряных ножнах. Отец нашел его среди развалин, когда восстанавливал дом. Кинжал был детский. Такие кинжалы носят ребята на наборном ремешке горского костюма.

А теперь кинжал исчез. Алеша обыскал все уголки дома, но напрасно — кинжал исчез бесследно.

— Что за нелепые шутки, черт возьми, — сердился Курашев. — Если это вор, то почему он не взял ничего ценного, а если шутник... глупая шутка. И причем здесь ледоруб? Кто ходит по побережью Крыма с ледорубом в руке? Странно все это..

На другой день Курашев купил овчарку с классической кличкой — Полкан. Вдвоем с Алешей они целый вечер сколачивали Полкану будку.

Две недели прошли спокойно. Полкан бегал, позывая цепью, от будки до края террасы. На редких прохожих он лаял с такой яростью, словно это были его личные враги. Нарычавшись вволю, пес укладывался у крыльца, греясь на неярком зимнем солнце и выгрызая блох из спутанной рыжей шерсти.

Как-то ночью Курашева разбудил неистовый лай собаки. Гремя цепью, Полкан яростно бросался на кого-то. Курашев вскочил с кровати и выбежал на крыльцо. Тьма была непроглядная. Он схватил пса за ошейник, погладил его. Полкан дрожал, шерсть на нем стояла дыбом. В наступившей тишине слышались вдалеке осторожные шаги. Вот зашуршали листья, хрустнула ветка. Курашев бросился туда. Остановился, прислушался. Никого. А если и был кто-нибудь, то уже исчез во тьме зимней бесснежной ночи. Нет, не найти, не догнать. Слишком темна ночь.

Утром Курашев мелко изрубил свинец, набил патроны и зарядил картечью оба ствола охотничьего ружья. Ночам спал тревожно, просыпаясь от каждого шороха.

Думы его были невеселы. Все складывалось не так, как он хотел. Жена оказалась пустым и вздорным человеком. Жить с ней тяжело и нерадостно. А хуже всего то, что для Алеши не удалось создать семью. Никогда не сможет эта женщина заменить ему мать. А тут еще кто-то следит за домом. Зачем?..

* * *

Моросило. Поеживаясь от промозглой сырости, Алеша, Коля Кучеров и Генка Яшин шли из школы домой.

— Алеша, я вот чего хочу спросить: правда, что тебя мачеха бьет, голодом морит? — Коля с сочувствием посмотрел на Алешу.

Тот ответил быстро, будто и сам об этом только что думал.

— Ну, бить-то она меня не бьет. А вообще, мачеха есть мачеха. Как в сказке. — Он невесело улыбнулся. — Когда отца нет, она все злится на меня, каждым куском попрекает, а как отец на порог — давай причитать: «Алешенька не ест ничего, Алешенька, выпей чайку». А какое

там «не ест»... Оставит мне кусок хлеба и холодную картошку, остальное запрет. Отцу пожаловаться? Скандал будет. И так каждый день скандалы чуть не до драки.

Генка от возмущения даже заикаться стал.

— А т-ты что же молчал до сих пор? А еще друг называешься! Завтра расскажем об этом в школе, вызовут твою Зою и покажут ей...

— Нет, ребята, жаловаться я не буду. Все равно мне здесь не жить. Я давно бы драпанул, да денег нет.

— Давайте смортаемся вместе, — предложил Генка. — Двинем в Одэссу, поступим юнгами на пароход и пойдем в дальнее. Ух, будет мирово!

— Алеше жить худо, мачеха его совсем заела, а ты сочиняешь: юнга, пароход. Ну кто тебя примет на пароход? Принимают с шестнадцати, а тебе двенадцать. Тоже мне, путешественник...

Они подошли к дому Курашевых. Ребята попрощались с Алешей и пошли дальше.

Алеша открыл калитку, ожидая, что Полкан с лаем бросится к нему, норовя лизнуть в лицо. Но возле дома было тихо. Алеше стало страшно. Предчувствие чего-то недоброго сжало ему сердце. Он осмотрелся. Возле будки, вытянувшись, лежал Полкан, глядя на него широко открытыми, остекленевшими глазами. Собака была мертва. Земля вокруг будки была изрыта когтями.

Долго стоял Алеша возле трупа Полкана, глотая соленые слезы. Страшно и плохо в этом доме. Вот теперь кто-то убил собаку. Кому она мешала?

Вскоре пришел с работы отец. Он поглядел на Полкана, постоял над ним в раздумье.

Что делать? Заявить в милицию? О чем? Украли детский кинжал. Убили собаку. Все это пустяки. Посмеются только, скажут: трусишь из-за пустяков. Но Курашев не трусил. Предчувствие какой-то близкой беды все росло в нем.

— Пойдем, Алеша, зароем Полкана.

Они выкопали яму в дальнем углу сада и зарыли собаку. Молча, как с похорон друга, возвратились в дом.

Перед сном Курашев обошел комнаты, проверил, надежно ли заперты окна и двери и поставил рядом с кроватью заряженную картечью двустволку.

В довершение ко всем неприятностям Алеша на следующий день неудачно прыгнул с турника и сломал

стопу левой ноги. Ему наложили гипсовую повязку и велели как можно реже вставать с кровати.

* *

Прошло несколько дней. Однажды, идя на работу, Курашев встретил Володис. Она вышла из своего дома и, захлопнув калитку, тоже направилась в город. Они поздоровались и пошли рядом.

— Как сынок ваш, Иван Сергеевич, привыкает на новом месте? Ведь здесь все другое: и климат, и природа, — с участием спросила Володис.

— Спасибо, ничего, — сухо ответил Курашев.

— А мне показалось, что он худой и бледный. Может, болен?

— Сейчас он лежит, сломал ногу, но вы правы, выглядит он плохо. Возможно, сказалась перемена климата. А вообще, конечно, нужно будет показать его доктору.

— Вы знаете, Иван Сергеевич, я думаю, что у него глисты. Это часто бывает у детей в его возрасте. Я ведь вырастила троих и знаю все их болезни. Дайте ему хорошую порцию слабительного, а потом сантонин. В аптеке знают. Это дают без рецепта. То, что сейчас он не выходит из дома, еще удобнее. Увидите, мальчик сразу будет выглядеть лучше, станет румяным и веселым.

— Ну, румяным он никогда не был, а о сантонине вы, пожалуй, правильно сказали. Попробуем так и сделать. Спасибо, Елена Харитоновна.

Курашев хоть и недолюбливал Володис, но был тронут ее заботой о здоровье Алеши.

Возвращаясь с работы, Курашев купил в аптеке пакет глауберовой соли и сантонин. Он решил послушаться совета соседки.

С Алешей и впрямь что-то было неладно. С каждым днем он все больше худел, стал замкнут, молчалив. Курашев пробовал поговорить с ним, узнать, что случилось, но мальчик угрюмо отмалчивался.

Ничего толком не могла сказать и Зоя. Послушать ее — все в полном порядке. У Алеши хороший аппетит, но он ленивый и вялый мальчик. Уж она ли с ним не ласкова, она ли не ухаживает за ним, как родная мать, а благодарности что-то не видать...

* *

В воскресенье Курашевы с утра собрались в город за покупками. Алеша еще спал.

— Разбуди его, пусть позавтракает с нами, — сказала Зоя.

Курашев вошел в комнату, где стояла кровать Алеши. Мальчик крепко спал, подложив под щеку ладонь. Курашев заботливо поправил спустившееся одеяло и с минуту задумчиво смотрел на сына.

— Ну, что ты там, тоже заснул? — крикнула Зоя. — Давай поскорей!

Курашев вернулся в столовую.

— Не буду я его будить, оставь ему завтрак на столе, проснется — сам поест...

Они оставили Алеше завтрак, лекарство. Зоя написала ему записку, и они вышли из дома.

* * *

Несколько раз в течение ночи Алеша просыпался: от тугой гипсовой повязки немела нога, лежать в одном положении было неудобно и больно. Только под утро он заснул, да так крепко, что не услышал, как уходили отец и мачеха.

Пробудившись, Алеша услышал чьи-то осторожные шаги в соседней комнате. Мальчик покричал отца. Ему никто не ответил. Тогда, взяв палку, он проковылял к двери и выглянул в столовую. Возле камина стоял незнакомый человек.

— Здравствуй мальчик, твоего отца нет дома? — спросил незнакомец.

— Не знаю, я только что проснулся, — ответил Алеша. — А я вас помню, вы приходили проверять электропроводку.

— Верно, я монтер. Мне нужен твой папа.

— Его, наверное, нет. Подождите, я сейчас оденусь.

Вернувшись к себе, Алеша наскоро оделся, но когда вышел из своей комнаты, то человека уже не было.

* *

Погода была плохая. С моря дул сырой ветер, накрапывал дождь. Курашев поднял воротник черной флот-

ской шинели. Он чувствовал себя в ней лучше, чем в штатском пальто, может быть, потому, что шинель напоминала ему о тех временах, когда он жил счастливей и уверенней, чем сейчас.

Несмотря на воскресный день, на улицах города было пустынно. Зябкие крымские жители предпочитали сидеть по домам. Когда Курашевы купили все необходимое, Зоя предложила мужу:

— Знаешь, мне что-то не хочется домой, пойдем к Остапчукам, я так по ним соскучилась.

— Но ведь Алеша один дома, пойми, ведь он болен, — возразил Курашев.

— Да мы не надолго.

— Тебе куда бы ни пойти, лишь бы не домой. Ну ладно, только имей в виду, больше часа у них сидеть не будем.

Курашев любил бывать у мичмана Остапчука, в прошлом служившего с ним в одном экипаже.

...Домой возвращались затемно. Курашев угрюмо молчал. Ему было стыдно. Бросил сына одного, без присмотра, на целый день.

Они подошли к дому. В черных проемах окон мрачно блестели неосвещенные стекла.

— Почему Алешка не зажег свет? Уйти он не мог, ведь у него нога в гипсе, — забеспокоился Курашев.

— Может быть, он уже лег спать? — предположила Зоя.

Обе входные двери были заперты изнутри. Курашев постучал. Сначала осторожно, затем сильнее и, наконец, стал что есть силы бить сапогом в дверь. Никто не отзывался. Курашеву стало страшно. Он высадил стекло, влез на подоконник и спрыгнул в комнату...

5

КОГДА ДОКТОРУ СОРОКИНУ сказали, что его спрашивает какой-то человек, он удивился: в городе знали, что он судебно-медицинский эксперт, практикой не занимается и не принимает больных.

Высокий человек в черной, насквозь промокшей флотской шинели был бледен и, видимо, чем-то сильно взволнован.

— Пожалуйста, простите меня, возможно, я должен был прийти не сюда, — с трудом подбирая слова, сказал он. — Ведь вы судебно-медицинский врач?

— Да, но что у вас случилось? — спросил Сорокин.

— У меня неожиданно умер сын... И я подумал, что нужно заявить вам.

— Ну, заявлять-то нужно было в больницу или в милицию... А как умер ваш сын?

— Мы с женой ушли утром, мальчик был здоров, спал...

— А когда вернулись, он был мертв? Какую же причину смерти вы предполагаете?

— Не знаю... Алеша лежал скорчившись. На полу и подушке следы рвоты... Уходя, мы с женой оставили ему лекарство, слабительное. Но это обыкновенная глауберова соль. Доктор, ведь это не могло быть от слабительного?

— Пока трудно что-нибудь сказать. Сейчас мы сообщим следователю.

Сорокин подошел к телефону и набрал номер.

...В это воскресенье в прокуратуре дежурил следователь Игорь Петрович Горяев.

Городок был тихий. За весь день только ветхий дед пришел с жалобой на соседа, сломавшего забор. Скучно сидеть одному целый день в канцелярской унылой комнате.

Игорь Петрович Горяев любил говорить о себе, что он человек стандартной биографии. Что ж, может быть, это и так. Как и многие его сверстники, он пошел в военкомат на другой день после школьного выпускного бала. На фронте он пробыл всего сорок дней. С тяжелым ранением Горяев очутился в тыловом госпитале, где пролежал много месяцев. Но молодой организм взял свое, Горяев возвратился в строй и был направлен в военное училище.

Во второй раз на фронт Горяев попал уже взрослым человеком. Юность кончилась, ему был двадцать один год, но он уже был участником тяжелых боев, испытал горечь отступления по своей земле, мучительные часы в операционной госпиталя.

Лежа в госпитале, Горяев занимался немецким языком, и это очень пригодилось ему, когда он стал командиром разведывательного взвода. В боях, во фронтовых буднях мужал Горяев. В его характеристике было напи-

сано: «требователен к себе и другим». Это было верно, но больше он все-таки был требователен к себе. Старший лейтенант Горяев окончил войну офицером особого отдела дивизии и это, вероятно, определило его выбор мирной профессии. Решив демобилизоваться, Горяев уже знал, что он будет юристом и, даже более точно, — следователем. Как и многие его сверстники, он работал и учился. Окончив заочный юридический институт, Горяев стал работать в прокуратуре Горьковской области, но сказало старое ранение, и врачи порекомендовали ему переехать на юг. Не все ли равно, где жить одинокому человеку? Горяев перевелся в город Д.

...Когда совсем стемнело и Горяев решил, что дежурство закончится так же спокойно, как оно шло весь этот день, раздался телефонный звонок.

— Это прокуратура?

— Да, прокуратура. Дежурный следователь Горяев слушает. Кто говорит?

— Я хочу вам сказать, что в поселке у Медведь-горы, улица Гуляй-ветер, дом семнадцать, мачеха отравила двенадцатилетнего мальчика, — произнес немолодой женский голос.

— Кто со мной говорит? — повторил Горяев.

— Это у Курашева, — не отвечая на вопрос, добавила женщина, и тотчас раздались короткие гудки.

Следователь тут же позвонил в милицию.

— У вас есть какие-нибудь сведения об отравлении мальчика на улице Гуляй-ветер? — спросил он дежурного.

— Да, нам только что звонили, — ответил тот.

— Кто звонил?

— Звонила какая-то женщина, себя не назвала, а когда я спросил ее фамилию, сейчас же положила трубку.

— Дело в том, что и мне звонили, вероятно, та же женщина. Судя по голосу, пожилая...

— Сейчас займемся проверкой.

Горяев попросил сообщить ему результаты проверки и положил трубку. И сейчас же телефон снова зазвонил. Говорил доктор Сорокин. К нему пришел человек по фамилии Курашев и заявил о неожиданной смерти сына.

— Это в доме у Медведь-горы? — спросил Горяев.

— Да, а вы уже знаете? — удивился Сорокин.

— Доктор, спросите, пожалуйста, у Курашева, кто еще знает о смерти его сына и поручал ли он кому-нибудь сообщить об этом в прокуратуру.

— Говорит, что, кроме него и жены, никто не знает. Мой адрес он узнал у милиционера на улице.

— Странно... Скажите, доктор, вы очень будете недовольны, если я попрошу вас съездить со мной к Медведь-горе. Что делать, испорчу вам отдых, — сказал Горяев.

— Наоборот, я сам хотел вам это предложить. Случай, очевидно, любопытный.

Горяев снова позвонил в милицию, а через полчаса доктор Сорокин и оперативный уполномоченный уголовного розыска Кузовков заехали за ним на машине.

...Отбрасывая тьму ярким светом фар, зеленый вездеход промчался по улице Гуляй-ветер и, миновав поросшее мелким кустарником поле, остановился у дома странной архитектуры. В большие итальянские окна были вставлены грубо сколоченные переплеты, массивный фронтон подъезда поддерживала только одна кариатида, второй не было, как, впрочем, не было и большей половины дома. Вероятно поэтому дом казался несоразмерно высоким. С улицы он был обнесен чугунной решеткой. За домом виднелся сад, доходящий до самой Медведь-горы.

Несмотря на дождь, несколько любопытных перешептывались в стороне, поглядывая на подъехавшую машину. На скамье около дома сгорбившись сидел человек в черной шинели. Он безучастно посмотрел на машину и снова опустил голову на ладони.

Когда милиционер привел понятых, Горяев подошел к Курашеву.

— Проводите нас в дом, пожалуйста, — сказал он.

Курашев встал со скамьи. Он молча распахнул дверь и пошел вперед, показывая дорогу. Они прошли через темную переднюю и очутились в просторной комнате с огромным камином и лепным потолком.

Справа была фанерная окрашенная охрой дверь. Горяев открыл ее и первым вошел в продолговатую комнату с побеленными известью стенами.

На железной незастланной кровати скорчившись лежал мальчик, одетый в серую куртку. Глаза его были открыты, пальцы в судорожном усилии ухватились за

ворот. Лицо и руки покрывала странная, голубого оттенка бледность. Левая нога была забинтована.

На полу, возле изголовья кровати и на подушке были следы рвоты.

Сорокин внимательно осмотрел труп мальчика.

— Смерть наступила около четырех часов назад, — сказал он, наконец. — Судя по всему, отравление, ну а каким ядом — это покажет анализ после вскрытия.

При вспышке магния Горяев сфотографировал обстановку комнаты и труп.

— Что будем делать, Семен Николаевич? — спросил следователь у Кузовкова. — Я полагаю, что надо опечатать оба входа и поставить охрану, а тщательный осмотр произведем завтра, при дневном свете.

— Согласен. Сейчас распоряжусь, — ответил Кузовков и отправился устанавливать милицейские посты.

Горяев составил протокол осмотра места происшествия, опечатал комнату, где находился труп, и обе входные двери.

— Где ваша жена, Курашев? — спросил следователь.

Курашев вздрогнул. Он посмотрел на следователя невидящим взглядом.

— Не знаю. Была здесь. Может, пошла к соседям. Вон туда.

Горяев повернулся к Кузовкову.

— Семен Николаевич, пошлите за ней милиционера.

Когда пришла Зоя, Горяев сказал Курашевым:

— Мы вынуждены опечатать дом до тех пор, пока не будет произведен тщательный осмотр. Вам есть где переночевать?

Зоя поспешно ответила:

— Я и сама боюсь здесь оставаться, пойду ночевать к подруге.

— А вы, Курашев?

— Не знаю, — безразлично ответил тот. — Я посижу здесь, вместе с милиционером.

На обратном пути Кузовков, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Не нравится что-то мне эта дамочка, жена Курашева...

Горяев и доктор промолчали. Следователь знал, каким неверным бывает порой первое впечатление. Никогда в своей работе он не основывался на этом... Нет

сомнения, что человек в черной шинели потрясен. Он весь ушел в себя, с трудом сдерживает отчаяние. Вряд ли это игра... Сознание собственной вины? Но в чем? Яд мог попасть в руки ребенка только по небрежности старших. Но только ли по небрежности? Что, если мальчику, хладнокровно все обдумав, дали смертельную дозу яда? Мешал жить беззаботно, хотели избавиться. Хотели? Может быть, хотела?.. Эта женщина так равнодушна к горю Курашева. Какова ее роль в том, страшном, что случилось? Преступный умысел или несчастный случай? Ошибка аптеки, ошибка родителей, давших мальчику яд вместо лекарства? Все может быть. Во всем нужно разобраться, исследовать каждый факт, каждую деталь...

Очевидно, все думали об одном, потому что Сорокин вдруг сказал:

— Судя по виду трупа, мальчик мучился не менее часа, а может быть, и два. Вероятно, его можно было спасти, но он бился один в пустом доме, больной, беспомощный...

Утром снова все собрались к одинокому дому у Медведь-горы. Курашев с посеревшим от бессонной ночи лицом понуро сидел на скамье. Его пришлось дважды окликнуть, прежде чем он пришел в себя. Пришли две соседки, которых еще вчера попросили присутствовать в качестве понятых при осмотре дома.

Последней явилась Зоя. Всем своим видом она старалась показать, что происшедшее ее не касается. Она тоже не спала всю ночь, но не потому, что думала о пасынке или о муже. Зоя была испугана. Она поняла, что за смерть Алеши спросят и с нее. И зачем она написала эту злосчастную записку? Ведь это значит, что лекарство мальчику дала именно она, мачеха.

Горяев снял печати и открыл дверь. Начался вторичный осмотр. Еще раз, теперь уже при дневном свете и с разных точек, был сфотографирован труп, каждая комната и весь дом снаружи. Доктор занялся своим делом. Надев резиновые перчатки, он снова тщательно осмотрел труп, отметил каждую ссадину, каждый синяк на худеньком, детском теле и все записал в протокол.

В столовой на столе лежала записка: «Алеша, мы ушли за покупками. Придем к обеду. Позавтракай, а часа через два обязательно прими лекарство. Мама». Тут же стояла большая фарфоровая чашка с остатками мутной жидкости на дне.

— А где пакет из-под лекарства? — спросил Горяев у Курашевой.

— Я не знаю, — заторопилась та, — Ваня, где пакет? Ты ведь оставил лекарство в пакете, не высыпал его в чашку?

— Нет, не высыпал... — сказал Курашев.

В белом пластмассовом шкафчике на стене хранились лекарства, но пакета из-под слабительного в нем не было. Зато доктор нашел там фаянсовую банку, содержимое которой очень его заинтересовало.

— Похоже, что это бертолетова соль, — пояснил он, — сильный яд. Картина отравления этим ядом очень напоминает ту, какую мы видим здесь.

Горяев осторожно осмотрел банку. На блестящем фаянсе были видны отпечатки пальцев. Он опылил следы красящим порошком, и они стали ярче, отчетливее.

— Игорь Петрович, я нашел пакет! — сказал, входя в комнату, лейтенант Кузовков, осматривавший дом снаружи.

Под окном столовой на земле лежал мокрый нераспечатанный пакет с аптекарской этикеткой «Глауберова соль».

Горяев позвал понятых и супругов Курашевых.

— Прошу удостовериться: пакет со слабительным найден под окном. Мы отметим это в протоколе, — сухо сказал он.

Горяев и Кузовков обошли дом. Стекло в одном из окон было разбито: через него вчера вечером Курашев проник в помещение. Остальные окна были плотно закрыты, между рамами лежала вата, щели в рамах были заклеены на зиму бумагой. Дверей в доме было две: одна с фасада, другая с надворья, которая вела в кухню.

Неширокая аллея, подходившая к двери в кухню, вела в глубь сада, где, огибая подошву горы, протекала мелкая и узкая речушка. Вдоль ее берега, густо поросшего орешником и колючим барбарисом, тянулась тропинка к обширному пустырю, за которым начиналась улица Гуляй-ветер.

Когда Горяев и Кузовков вернулись в дом, к калитке подъехала санитарная машина, чтобы увезти тело Алеши в прозекторскую на вскрытие.

ВОТ УЖЕ ДВА ЧАСА, как Зоя Курашева сидит в коридоре прокуратуры. Она ждет своей очереди. Два часа следователь допрашивает ее мужа. Целых два часа. И о чем можно говорить столько времени?

...— Скажите, Иван Сергеевич, — спрашивает Горяев, — вы знали, что жена плохо обращается с вашим сыном? Что вы сделали в защиту мальчика?

Этого вопроса Курашев ждал и боялся. Две нескончаемые бессонные ночи он задавал себе этот же вопрос и не находил на него ответа.

— Сын никогда не жаловался на мачеху... Конечно, я видел — это не то, что родная мать.

Следователь не дает ему уйти от прямого ответа.

— Простите, но вы не совсем точны. Вам говорил об этом пионервожатый из школы Алеши.

— Да, это правда... Но я предупреждал жену, мы даже ссорились с ней... Она все отрицала, говорила, что Алеша был непослушен, дерзил ей.

— Ну, а с сыном вы беседовали?

Мало, ах как мало беседовал он с сыном и как винит себя в этом!

— Алеша отмалчивался, когда я говорил с ним о мачехе. Вообще в последнее время мальчик был молчалив, замкнут. Несколько раз пробовал я поговорить с ним по душам, но разговора не получалось. Оторвался я от сына, этого себе простить не могу...

— Отобрали сына у хороших, любящих его людей, а у вас ему жилось много хуже...

Курашев молчит. Что может он ответить на эти прямые, жестокие слова? Это правда. Он виноват и не хочет искать себе оправдания.

— Оставим это пока, — говорит следователь. — Еще несколько вопросов. Какое лекарство вы дали сыну?

— Я спросил в аптеке слабительное. Мне дали глауберову соль. Сказали, что содержимое пакета надо растворить в полустакане воды.

— А что, у мальчика было плохо с желудком?

— Нет, на желудок он не жаловался, — смутился Курашев.

— Тогда зачем же слабительное?

— Видите ли, мы с женой решили, что у Алеши глисты, а прежде чем принимать лекарство, нужно очистить

желудок, = смущаясь еще больше, сказал Курашев.

— Вы показывали Алешу врачу?

— Нет, врачу мы его не показывали, — ответил Курашев, начиная думать, что правда выглядит очень неправдоподобно.

— Но анализ вы делали?

— Нет, и анализа мы не делали. Просто мальчик последнее время плохо выглядел, был бледен, и соседка сказала, что у него, вероятно, глисты.

— Кто эта соседка?

— Володис, Елена Харитоновна. Она живет на улице Гуляй-ветер, дом пятнадцать.

— Ясно, — Горяев записал в протоколе и это. — Вы купили один пакет слабительного?

— Да, один пакет.

— Тогда как оказалось, что этот единственный пакет был выброшен нераспечатанным?

Курашев смотрит в окно. Струйки воды катятся по стеклу, сливаясь у подоконника в сплошную пелену. Что еще нужно этому человеку? Что ему сказать? Несчетное число раз он задавал себе те же самые вопросы. Как на них ответить? Откуда ему знать, кто выбросил пакет. Зоя?.. Нет. Этого быть не может. Кто же тогда? Кто отравил Алешу? Неужели следовательно думает, что это он, Курашев, убил собственного сына?

— Не знаю, кто мог выбросить пакет, не могу объяснить. Я его не выбрасывал, это единственное, что могу сказать.

— Что ж, в протоколе допроса так и будет записано: «Объяснить не могу». И все же попробуем разобраться в этом. Итак, вы принесли домой пакет со слабительным. Куда вы его дели?

— Я положил его на буфет, а утром...

— Остановимся пока на этом. К тому, что было утром, мы еще вернемся. Значит, в субботу, накануне смерти Алеши пакет лежал на буфете, а в доме были вы, ваша жена и сын. Никто к вам не приходил?

— Никто.

— Скажите, в окне, под которым был найден пакет, есть форточка?

— Форточки там нет.

— Так. А само окно, насколько я помню, наглухо закрыто и заклеено бумагой. Значит, через окно выбросить

пакет было невозможно? — Горяев выжидающе смотрит на допрашиваемого.

Курашев молчит.

— Пойдем дальше. Когда вы утром уходили из дома, где находился пакет со слабительным?

— Пакет лежал на столе, рядом с чашкой. Я это хорошо помню.

— Но вы удостоверились, что этот пакет оказался на улице, под окном. Кто его выбросил? Алеша лежал в постели со сломанной ногой. Его ботинок со здоровой ноги мы осмотрели, он сухой. В тот день шел дождь. Значит, остается одно: пакет выбросили вы или ваша жена. Так кто же выбросил пакет?

— Я пакета не выбрасывал. Вот все, что могу сказать.

Курашев разминает сигарету, не поднимая глаз на следователя. Руки его дрожат.

— Очень прошу вас прекратить допрос, — говорит он. — Я устал и с трудом соображаю.

— Хорошо. Сегодня мы на этом закончим, но завтра я жду вас ровно в десять.

Они прощаются. Горяев не протягивает Курашеву руки, а тот не решается первым подать свою.

Как только Курашев ушел, в дверь постучали.

— Можно войти?

— Да, да, конечно.

Лицо Зои мокро от слез, она вытирает их кружевным платочком и часто всхлипывает. Наконец, она успокаивается и начинает рассказывать.

Она так любила Алешу. Ей трудно привыкнуть к мысли, что бедного мальчика больше нет. Он тоже очень любил ее и называл мамой. Кто говорит, что она плохо обращалась с пасынком? Назовите этих людей, это ее враги... Записка? Да, записка написана ее рукой, но под диктовку мужа. Лежал ли рядом с запиской пакет глауберовой соли? Она не помнит. Просто не заметила. Нет, пакета она вообще не видела. Это муж решил лечить сына от каких-то глистов. Ей мальчик не жаловался. И вообще об этом ничего не знает. Ну как можно предполагать, что она выбросила пакет, если она его даже не видела!

На каждый вопрос следователя Курашева отвечает скороговоркой заранее обдуманых слов.

— Вы собирались вернуться домой к обеду. Почему же вы пришли только к вечеру? — спрашивает ее Горяев.

— Я торопилась домой к Алешеньке, но муж настоял, чтобы мы зашли к его другу Остапчуку. Если бы мы пришли домой раньше, может быть, Алеша....

— Но ваш муж утверждает обратное, — перебивает ее следователь. — Он говорит, что вы настаивали на посещении Остапчуков. А потом вы не хотели уходить, хотя он несколько раз вас звал...

— Ложь! Я не люблю Остапчуков, мне и идти-то туда не хотелось. Это его друзья... Все против меня, а я ни в чем не виновата... — Она снова расплакалась.

— Что же, проверим и это, — спокойно говорит Горяев.

* * *

Всю неделю Горяев напряженно работал. Поиски, допросы, очные ставки. Все складывалось против Курашевых. Удалось разыскать чек, по которому Курашев купил в аптеке пакет слабительного. Он купил один пакет, и, значит, именно этот пакет и был выброшен. Но что же за снадобье дали Алеше?

В субботу к Горяеву пришел судебно-медицинский эксперт Сорокин.

— Принес материалы по делу Курашева, — сказал он. — Вскрытие подтвердило смерть от отравления хлорноватокислым калием, иначе называемым бертолетовой солью. Яд крови. Удушье, резкие боли в желудке, жажда, рвота.

— Скажите, Савелий Маркович, что показал анализ — были у мальчика глисты?

— Вчера произвел повторный анализ. Результат тот же — глистов нет.

Горяев помрачнел. Еще одна улика против Курашевых. Зная заранее, какой будет ответ, он все же спросил у доктора:

— А что дал анализ кристаллического порошка из фаянсовой банки?

— Это тот яд, которым отравлен мальчик, — бертолетова соль. В банке оказалось еще 34 грамма, а смертельная доза для подростка двенадцати лет — около 10 граммов. В пакете, который нашли под окном, оказалась обыкновенная глауберова соль, безобидное слабительное.

— Спасибо, доктор. Теперь следовало бы сказать, что мне все ясно, но, к сожалению, еще очень многое неясно.

— Ну как же неясно? Улики бесспорные. Кто, кроме Курашевых, мог выбросить пакет со слабительным и дать мальчику яд?

— А причина такого страшного преступления вам ясна, доктор?.. То-то. Зачем было Курашеву убивать сына? И мачехе это не нужно.

7

ГЕНКА УДАРИЛ ПО МЯЧУ ЛЕВОЙ. Пусть кто-нибудь еще сумеет так! Настоящий пушечный удар! Мяч пролетел сквозь ворота, в которых стоял этот ротозей Глеб Левин из шестого «Б», и ударил в плечо человека с портфелем.

Так встретили следователя на территории 17-й средней школы, где учился Алеша Курашев. Зато пионервожатый Перепелица, квадратный парень с руками штангиста, был безупречно вежлив. Да, он, конечно, помнит Алешу Курашева. Тихий, молчаливый мальчик. Перепелица был у него дома. Говорил с мачехой и с отцом. Пошел потому, что в школе узнали, будто мачеха обижает Алешу, плохо кормит. Как узнали? Алешины дружки сказали — Коля Кучеров и Гена Яшин. Сейчас он их позовет.

Ребята были смущены. Следователем оказался тот самый человек, которому Генка вмазал мячом. Но он не обижался. Наоборот, он вежливо поздоровался с ребятами и сказал, что допросит их как свидетелей, а это дело государственное и говорить нужно только правду.

На беседе присутствовала, как рассказывал потом Генка ребятам, учительница географии Анна Алексеевна.

— Ну, с кого мы начнем? — спросил следователь. — Пожалуй, с тебя, Коля, а ты, Геннадий, подожди пока в коридоре, я тебя позову позже.

Гена вышел, и Горяев начал допрос Коли. Он заинтересовался, когда тот родился, где живет, кто у него родители, и только после того, как все это было записано, спросил его:

— Коля, ты хорошо знал Алешу Курашева, дружил с ним?

— Да, мы с Алешей дружили, мы ведь рядом живем, на улице Гуляй-ветер. В школу почти всегда ходили вместе. А Генка сидел с Алешей на одной парте.

— Раз друг, значит ты знал, как ему живется. Вот и расскажи, Коля, как жилось твоему другу Алеше Курашеву, не обижал ли кто его?

— Сначала Алеша жил ничего, мы с ним познакомились, когда еще было лето. Ходили купаться, с пристани бычков удили, еще за ракушками ныряли...

— Скажи, Коля, твои родители не обижают тебя?

— Ну что вы! Они у меня хорошие. Летом мы с отцом в Москву поедem. Он уже обещал. Кремль покажет, на футбол пойдem. И мама у меня добрая...

— Скажи, пожалуйста, Коля, у Алеши тоже были хорошие родители?

— Отец у него хороший. — Коля подумал и добавил: — Когда не выпивши.

— А мать? Тоже хорошая?

— Мать у него неродная. Алеша жаловался, что когда отца дома нет, то она очень на него кричит. Работать много заставляла... Он от нее плакал, я сам видел. Это и Генка видел, можете у него спросить.

— Скажи-ка мне, ты не знаешь, Алешин отец, когда приходил пьяным, не обижал сына, не бил его?

— По-моему, нет. Алеша не жаловался на отца. Он у него хороший, служил на подводной лодке...

— Ну ладно, теперь я прочту тебе то, что записал.

Коля с серьезным видом прослушал свои показания и подписал протокол. Анна Алексеевна тоже расписалась.

После этого следователь вызвал Гену Яшина, а Колю отпустил домой. Гена рассказал почти то же, что и Кучеров.

* * *

Прошло еще три дня поисков, бесед, допросов. Кое-что стало ясным Горяеву. В семье Курашевых Алеша был лишним. И не в том дело, что его ненавидели. Этого, может, и не было. Алешу не за что было ненавидеть. Он был тихим, робким мальчиком. Просто он, видимо, был лишним, ненужным отцу, за эти годы отвыкшему от сына. А для мачехи, любившей себя одну, он не только был лишним, он ей мешал. О нем нужно было заботиться, он мог рассказать отцу то, что она, возможно,

хотела бы скрыть. Все доказательства, одно за другим, факты, от которых никуда не уйдешь, говорят об одном: Алеша убит умышленно. Мальчику дали яд под видом лекарства. И эта нелепая выдумка Курашева о глистах, которых у Алеши не было... Лечили от несуществующей болезни. Потом неумная басня о Володис. Когда ту вызывали, она изумилась: не было никакого разговора об Алеше. Итак, лекарство выбросили, а мальчику дали яд. Лжет Курашев, что не знал о банке с ядом, найденной у него в аптечке... Посмотрим, что даст очная ставка.

— Гражданка Володис и вы, Курашев, нет ли между вами вражды? — Следователь переводит глаза с одного на другую.

Нет, они никогда не ссорились, у них обычные отношения, точнее, никаких отношений.

— Ну вот, Курашев, вы хотели задать несколько вопросов гражданке Володис, пожалуйста, задавайте.

Горяев вынимает сигарету, закуривает и поудобнее усаживается в кресле: он собирается, в основном, наблюдать за очной ставкой Курашева с Володис и записать ее в протокол.

Курашев долго молчит, видимо, собираясь с мыслями. У него дрожит веко. После контузии это иногда бывает с ним. Прикрыв глаз ладонью, он жестко спрашивает у Володис:

— Скажите, пожалуйста, следователю, какой у нас с вами был разговор об Алеше, когда мы шли вместе от вашего дома до набережной.

— Вы только подумайте, — Володис поворачивается к следователю, — он хочет втянуть меня в свои темные дела. Так я вам скажу: я никогда с вами не говорила о вашем сыне.

Горяев считает нужным вмешаться.

— Елена Харитоновна, — мягко говорит он, — никто не собирается никуда вас втягивать, вы свидетельница, и вам ничто не грозит. Единственная ваша обязанность — говорить правду. Подумайте и ответьте прямо на вопрос Курашева.

Но Володис стоит на своем. Она никогда не говорила с Курашевым об Алеше, не советовала его лечить от глистов и вообще слышит об этом впервые. Она возмущена выдумкой Курашева. Ее все знают в городе, как честную женщину. Пусть лучше Курашев расскажет следователю, как он пробовал яд на собаке...

Горяев перебил разволновавшуюся свидетельницу:
— Успокойтесь, Елена Харитоновна. Курашев, расскажите об этом. Был такой случай, когда вы отравили собаку?

— Я не убивал собаку. Полкан издох, но я не знаю отчего. Может быть, его отравили. Не знаю.

Курашев был бледен, веко его дергалось. Он прикрыл глаз рукой.

— Мы с Алешей закопали Полкана в углу сада. Хотите, я покажу... Неужели вы думаете, что я мог...

— Но знаете, Курашев, если собака отравлена тем же ядом из вашей аптечки...

* * *

Собака оказалась отравленной бертолетовой солью, тем же ядом, которым был отравлен Алеша.

Об этом Курашеву сказал прокурор района Дмитрий Степанович Кабанов.

— Я хотел бы услышать от вас, Курашев, более откровенные объяснения. То, что вы говорили до сих пор, никак не подтверждается. Вот вы настаиваете, чтобы мы поверили вам, а не Володис. Почему? Зачем Володис лгать? Вы для нее человек безразличный, она вам не враг, ведь вы так говорили?

— Да, ссор у нас не было.

— Вы не можете толком объяснить, зачем вы решили дать сыну лекарство и как случилось, что лекарство оказалось выброшенным, а мальчик выпил яд. История о глистах — неуклюжая выдумка. Ваша жена очень неуверенно подтверждает ваши показания. Это понятно: она не хочет подводить мужа. Как вы все это объясняете? Согласитесь, что доказательства вашей вины очень серьезные.

— Я сказал следователю правду. Можете мне не верить, это ваше дело.

— Нет, Курашев, это не только наше дело. Это и ваше дело. Мы хотим вам поверить, но вы должны быть откровенны. Поймите, что нельзя в ответ на явные доказательства вашей вины молчать или говорить неправду. Право же, вам лучше рассказать все так, как было в действительности.

— Я говорил все так, как было. Возможно, это выглядит ложью. Я не знаю, как все случилось, кто дал

сыну бертолетову соль, кто выбросил пакет со слабительным и кто отравил Полкана. Не знаю, понимаете, не знаю! Я этого не делал!..

— Успокойтесь, Курашев. Вы должны понять, что я не имею права поверить вам вопреки доказательствам и фактам. Для меня ясно, что вы что-то или кого-то скрываете. Либо вы сами отравили сына, либо скрываете того, кто это сделал... Неужели вы не знали, что у вас в аптечке хранится яд?

— Нет, не знал и этой злосчастной банкой никогда не пользовался.

— Вы опять лжете, Курашев, — резко говорит прокурор. — На фаянсовой банке с ядом найдены отпечатки ваших пальцев. Ошибки здесь быть не может. Объясните же, как на банке оказались отпечатки ваших пальцев, если вы до нее не дотрагивались?

Прокурор видит, как испуган Курашев. Он бледнеет, веко у него начинает дрожать. Молчание длится долго. Наконец, Курашев нерешительно говорит:

— Может, я просто переставлял ее... А не мог Алеша сам?.. Он тоже трогал банку?

— Нет, ни ваш сын, ни ваша жена до банки не дотрагивались. Банку в руках держали вы. Что вы скажете на это?

Курашев молчит. Что он может ответить?

— Я вынужден дать санкцию на ваш арест. Следствие будет продолжаться и вам предъявят обвинение.

8

С ТОГО МОМЕНТА, как милиционер увел Курашева в тюрьму, следователь Горяев потерял покой. Но он знал и раньше, что ареста Курашева не избежать. Слишком очевидны были доказательства его вины. Трудно было спорить с прокурором района Кабановым, когда тот сказал:

— Не пойму вас, Игорь Петрович. Ведь вы сами расследовали дело Курашева и собрали материалы, обосновывающие его вину. Весьма, нужно сказать, убедительные доказательства. Я все это проверил. Сам допросил Курашева. Лжет. Изворачивается. Объяснения дает наивные. А теперь вы почему-то сомневаетесь в необходимости этой меры пресечения, хотя отлично знаете, что

по сумме доказательств и тяжести преступления закон требует ареста Курашева.

Да, Горяев сомневался. Нельзя не согласиться с тем, что доказательства вины Курашевых очень серьезны. Но не все до конца выяснено в этом деле. Ведь на банке рядом были найдены отпечатки пальцев не только Курашева. Кто-то кроме него брал в руки банку. Странно и другое: у Курашева с женой в последнее время были очень плохие отношения. Это установлено бесспорно. Но как же тогда они могли стать сообщниками в убийстве? Нет, нужно продолжать тщательно расследовать дело и не только по версии виновности Курашевых.

Прокурор внимательно выслушал Горяева и сказал:

— Расследуйте, конечно. Но имейте в виду, что нашей нерешительностью в этом деле все возмущены. Мне звонят граждане. Обращаются в газету. Получен запрос из областной прокуратуры, предлагают дать объяснения, почему медлим. Кстати, прислали мне и такое письмо.

Кабанов достал из папки конверт и протянул его следователю. На листке почтовой бумаги уверенным мужским почерком было написано: «Прокурору города Д. Товарищ прокурор, мы хотим обратить ваше внимание на возмутительный факт. Все знают, что убийца Алеши Курашева — его мачеха, которая бертолетовой солью отравила своего пасынка, а отец Алеши ей помогал. Но никаких мер не принято, и следствие ведется подозрительно медленно. От имени общественности просим выяснить, по каким причинам следователь Горяев покровительствует преступникам?»

Подписи не было. Горяев посмотрел на почтовый штемпель.

— Я могу это письмо оставить у себя? — обратился он к прокурору.

— Оставьте. И подготовьте ответ прокурору области. Что касается Курашевых, то я предлагаю избрать мерой пресечения для них содержание под стражей.

— Но Зоя Курашева беременна, она представила мне об этом справку.

— Что же, у Курашевой возьмите подписку о невыезде. Но все это должно быть выполнено сегодня же.

Кабанов встал, давая понять, что разговор окончен.

Горяев выполнил указание прокурора: формально тот был прав. А по существу?..

На другой день он поехал в тюрьму к Курашеву.

— Факты против вас, Курашев, — как можно мягче сказал Горяев, — но вы утверждаете, что невиновны, и я хочу еще раз все проверить. Помогите мне в этом. Я не буду вас допрашивать, сами расскажите мне все, что произошло, все подробности, даже незначительные. Начните с того дня, когда вы поселились в этом городке.

Курашев стал рассказывать. Он не обращался к следователю, смотрел в пол. Сидел на табурете, нахохлившись, как птица, тяжело опустив руки на колени. Говорил не торопясь, часто прерывая свой рассказ долгими паузами. Казалось, он забыл, кому и для чего рассказывает о своей жизни в эти мрачные последние месяцы.

Долго говорил Курашев. Видно было, что ему и самому нужно все вспомнить, обо всем подумать. Горяев не задавал вопросов, он слушал и временами кое-что записывал. Но нельзя было записать, с какой любовью и теплотой Курашев говорил об Алеше, а это, быть может, и было самым важным из всей беседы. В сухом протоколе были записаны факты, которые на первый взгляд никакого отношения к уголовному делу не имели. О них нужно хорошенько подумать...

— Я вам верю, Курашев, — сказал Горяев, когда они прощались. — Не вы отравили Алешу. Но кто же? Буду искать...

И Горяев начал искать. Он боролся за человека, нашего советского человека, попавшего в беду. Нужно было проверить, правду ли рассказал Курашев о ледорубе, о том, как пропал детский кинжал, и о многом другом.

Проверив эти показания Курашева, следовательно убедился, что они правдивы. Многое знала Зоя, кое о чем рассказывал когда-то Курашев своим друзьям, и они это подтвердили.

Зайдя вечером в прокуратуру, лейтенант милиции Кузовков застал Горяева склонившимся с лупой над почтовым конвертом.

— Подождите, сейчас я осмотрю конверт и передам его вам, а пока почитайте это, — и Горяев протянул Кузовкову обернутое в целлофан письмо, полученное Кабановым.

Это письмо показалось Горяеву странным. Честный советский человек не побоялся бы открыто сказать о своем возмущении. Почему автор письма скрывает свое имя? Не причастен ли к делу Курашевых? Почему он добивается их ареста? Сообщник так не поступит, арест Курашевой создаст угрозу и для него. А может быть — это преступник, пытающийся направить следствие по ложным следам? Он знает подробности дела. Ему, например, известно, что Алеша отравлен бертолетовой солью. Об этом знают немногие. Горяев решил найти автора письма.

Кузовков прочел письмо и сказал:

— Ну что вы мудрите, Игорь Петрович? Письмо как письмо. Мало ли еще пишут анонимок трусы и пакостники.

Но Горяев стоял на своем. Он знал, что на бумаге отпечатки пальцев сохраняются несколько недель. И действительно, под парами иода на письме явственно стали видны отпечатки пальцев. Горяев скопировал их, а затем с большой тщательностью, испробовав несколько светофильтров, сфотографировал. Отпечатков было много.

Вдвоем с Кузовковым они провозились с анонимным письмом до глубокой ночи. Каждый отпечаток, найденный на письме, Горяев сравнивал с тем, что был найден на банке с бертолетовой солью. Это была скучная работа. Бумага, видимо, побывала в руках у многих людей. Большей частью отпечатки были полустертые. Впрочем, были и вполне отчетливые.

Через несколько часов утомительной работы, когда глаза уже устали вглядываться в еле различимые узоры, Игорь Петрович положил лупу, откинулся на спинку стула и с видимым удовольствием закурил.

— Ну вот, лейтенант, убедитесь, что вы не правы.

Он протянул Кузовкову два снимка с отпечатками указательного пальца. Достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться, что их причудливый узор одинаков. Красными чернилами, стрелками и литерами Горяев обозначил совпадения узора в обоих отпечатках. Ошибки быть не могло. Рисунок кожных линий на пальцах у каждого человека единственный и неповторимый.

— Как видите, человек, державший в руках банку с ядом, любезно прислал нам свою визитную карточку, — сказал Горяев, — Это он написал анонимное письмо.

Давайте искать этого человека. А чем вы похвастаетесь? Что дало вам изучение конверта?

— Пока очень немного, — ответил Кузовков. — Дата письма нам известна. Вынуто оно из почтового ящика агентства, которое обслуживает два санатория «Угольщик» и «Роза». Конверт заклеен казеиновым клеем. Клей, очевидно, положен кисточкой, мазок ею виден отчетливо, и здесь, вот посмотрите, остался волосок.

— Что ж, это не так мало. Кстати, вы обратили внимание на то, что адрес написан неверно: у нас нет прокурора города. Местные жители знают, что Д. — районный центр, и любой из них написал бы: районному прокурору. А ведь писал вполне грамотный человек. Почерк уверенный, выработанный, как мне кажется, мужской. Попробуем найти автора этого письма, которому так хочется, чтобы Курашевы сидели в тюрьме.

Они наметили план действий на ближайшие два дня и усталые, но довольные, отправились по домам.

На другой день Горяев вышел из дома раньше обычного. Он не стал ждать автобуса и пошел пешком по узкой асфальтовой дороге, петлявшей вдоль низеньких оград, сложенных из неотесанного белого известняка. За оградками, куда ни глянь, с холма на холм убегали виноградники, одетые в только что распутившиеся узорные листья. Размышляя о деле Курашева, Горяев шагал километр за километром.

Все яснее становился ему дальнейший план расследования. Были сделаны только первые шаги к новой версии, но уже можно твердо сказать, что следствие вышло на правильный путь. Кто-то мешал следствию, путал следы, создавал ложные доказательства. Человек, написавший письмо от имени «общественности», требовавший ареста Курашевых, оставил свои отпечатки пальцев на банке с ядом, он должен быть найден. В этом главная задача следствия. Они условились с Кузовковым, что тот будет искать незнакомца по данным анонимного письма. Материала для успешного розыска маловато, но все же это какая-то ниточка. Посмотрим, куда она приведет. Он, Горяев, будет искать того же человека, но другим путем. Обе линии розыска должны соединиться. Горяев вспомнил беседу с Курашевым в тюрьме. Тот рассказал следователю о своих подозрениях. Курашеву кажется, что в последние недели перед смертью Алеши в жизни Зои кто-то появился. Вечерами она приходила поздно. Иногда

от нее пахло вином. Может быть, все это и не имеет отношения к человеку, который оставил ледоруб и отравил собаку, а может...

9

КУРАШЕВЫ ЖИЛИ ОСОБНЯКОМ, с соседями не дружили, да и не было у них близких соседей: дом стоял на отшибе, до ближайшего жилья добрая четверть километра.

И все же Горяев решил дополнительно расспросить соседей об образе жизни Курашевых, о том, кто у них бывал, с кем они поддерживали знакомство. Он обошел несколько домов по улице Гуляй-ветер, подробно побеседовал с жителями, но ничего особенно интересного не узнал. Только одна из женщин рассказала ему, что однажды вечером, примерно месяц назад, возвращаясь домой, она видела, как Зоя Курашева шла с высоким молодым человеком. Очевидно, тот провожал Зою. Было темно, и разглядеть спутника Зои свидетельница не могла.

Кое-что знала и жена Остапчука. Приятельница ей рассказала, что видела Зою Курашеву в приморском парке с каким-то молодым человеком. Кто это был, та не знала, но, очевидно, не местный, большинство местных жителей она знает в лицо, да и одет он был как-то постоличному.

В конце дня Горяев поехал в парикмахерскую, где работала Курашева. Ее самой на работе не было. Следовательно зашел в отгороженный фанерой кабинетик заведующего.

— Какую характеристику вы можете дать Курашевой? — спросил он маленького человечка с густой черной шевелюрой.

Тот говорил о Курашевой осторожными канцелярскими словами: хороший мастер, взысканий не имела, правила гигиены соблюдает... Но не это интересовало Горяева.

— Это все хорошо, а не можете вы сказать что-либо о ее личной жизни? — перебил он заведующего.

— О личной жизни? — с удивлением повторил заведующий. — Об этом мне ничего не известно. Личной жизнью сотрудников я не интересуюсь и, простите, не обязан интересоваться.

— Ну а здесь, на работе, с кем она дружит?

— С сослуживцами у Курашевой не очень хорошие отношения: слишком уж резкий она человек. Пожалуй, в какой-то степени она дружна с Квасовой и Самойловой.

Девушки были еще здесь, они заканчивали смену. Горяев подождал, пока они освободились, и сказал, что хочет с ними побеседовать.

Он решил, что непринужденная беседа даст лучший результат, чем формальный допрос, когда каждое слово записывается в протокол. Так девушки будут чувствовать себя свободнее и, как он надеялся, откровеннее выскажутся. О том, что случилось в семье Курашевых, они слышали.

— Я знаю, — начал Горяев, — что вы подруги Зои Курашевой, и хочу кое-что узнать о ней. У меня к вам только одна просьба: будьте откровенны и правдивы.

И Квасова, и Самойлова охотно отвечали на все вопросы следователя. Но знали они мало. Хорошие отношения с Курашевой еще не означали, что они друзья с ней. Ни одна из них ни разу не была у Курашевой дома, не знала круга ее знакомых. Зоя говорила им, что после ареста мужа она живет в городе, у своей подруги.

— Ну а случалось, что кто-нибудь из знакомых Зои приходил к ней на работу? — спросил Горяев.

Обе помолчали, нерешительно поглядывая друг на друга. Наконец, Самойлова сказала:

— Конечно, мы не присматривались, да и не наше это дело, но последнее время... Примерно с месяца два назад Зоя познакомилась здесь, в парикмахерской, с одним клиентом. Он иногда к ней заходит.

Горяев обратился к Квасовой.

— Вы тоже видели этого человека?

— Конечно, видела, все его видели. Вся парикмахерская. Бывает, что он заходит за Зоей, а один раз мы все вместе в кино были: я, мой знакомый и Зоя с Володей.

— Скажите, а что вы об этом человеке знаете? Как он выглядит, где живет, словом, все, что вам известно.

— Ну что мне известно... Зовут Владимиром Дмитриевичем, фамилию не знаю. Ему лет тридцать пять, красивый, хорошо одет. Сказал, что он инженер, работает где-то далеко, на севере. Отдыхал здесь в санатории «Угольщик»... Да он только сегодня заходил за Зоей, и они вместе ушли! Как раз перед вашим приходом...

До закрытия парикмахерской оставалось еще минут двадцать, но Зоя Курашева, отпустив клиента, больше работать не стала: она торопилась. Ей позвонил Владимир и сказал, что ждет на обычном месте их свиданий, у сквера...

В тот день, когда они познакомились, в парикмахерской было много посетителей. Зоя заметила, что один из клиентов несколько раз пропустил свою очередь. «Жду мастера», — говорил он. Ждал он ее, Зою, и это показалось странным: человек был ей незнаком.

Когда он уселся в ее кресло, то, к удивлению Зои, оказалось, что клиент отлично выбрит и недавно подстрижен. Глядя на нее с уверенной наглостью человека, привыкшего к легким успехам у женщин, посетитель сказал:

— Нет, подстригать меня не нужно, я живу в санатории «Угольщик», там отличная парикмахерская. Давайте лучше познакомимся, ведь только для этого я вас так долго ждал. Меня зовут Владимиром, а вас Зоей, это я знаю уже три дня, с тех пор, как потерял покой...

— Ах, вот как! Должна вас огорчить, вы ошиблись адресом. Уходите, пожалуйста. — Зоя отвернулась и крикнула: — Прошу следующего!

Но когда, окончив работу, она вышла из парикмахерской, то оказалось, что назойливый клиент ждет ее. Теперь он скромно и почтительно шел рядом с ней и говорил о своих чувствах...

Так они познакомились. Несколько раз Владимир был у Зои дома, когда муж и пасынок отсутствовали. Впрочем однажды, когда Зоя и Владимир уже собирались уходить, неожиданно пришел Алеша, их отпустили из школы после третьего урока. Смутившись, Зоя сказала, что этот человек пришел проверить электропроводку. Она очень боялась, что Алеша заметил ее смущение. Но мальчик, вероятно, ничего не заподозрив, отцу об этом случае не рассказал.

...Еще издала она увидела Владимира. К его стройной фигуре очень шел светло-синий спортивный костюм.

— Здравствуй, что нового?

Она поняла, что он спрашивает о следствии. С тех пор как умер Алеша, Владимир стал особенно к ней внимателен. С интересом расспрашивал, о чем говорил с ней

следователь, кого еще вызывали, словом, сочувствовал и интересовался тем, что ее волновало. Зоя очень боялась, чтобы ее «не впутали» в это дело, и Владимир часто обсуждал с ней, какие показания ей следует давать.

— Арестовали Ивана. Это так ужасно. Правда, последнее время мы стали чужими друг другу, но все равно... — Из глаз у Зои закапали слезы. Она не вытирала их, чтобы не размазать грим. — Я ведь знаю, что он не виноват. Мы ушли вместе, Алеша был здоров, только нога... Как ты думаешь, они не могут и меня?..

— Ну что ты, этого не может быть, успокойся. Расскажи, как арестовали твоего мужа?..

По хрустящим дорожкам сквера они вышли на пустынную улицу и спустились к морю.

С Владимиром Зоя забывала о своих неприятностях, он был с ней мягок и ласков, не то, что этот сухарь Курашев.

— Знаешь, Зоя, у меня окончился уже и второй срок путевки, — сказал Владимир. — Сегодня я переехал на частную квартиру, снял комнату у одинокой женщины. Но пока твой муж находится под следствием, нам лучше держать в тайне наши отношения, и я думаю, тебе не стоит приходить ко мне. Я по-прежнему буду звонить в парикмахерскую или ждать тебя у дома, где ты сейчас живешь. Ты ведь не собираешься возвращаться на улицу Гуляй-ветер?

— Нет, не собираюсь. Я не смогу там больше жить...

* * *

Ира, молоденькая работница почтового агентства при санатории «Угольщик», была удивлена. Лейтенант милиции вел себя странно. Он долго рассматривал банку с клеем, стоящую на столе для посетителей, а затем, вынув из кармана маленький пузырек, немного отлил в него из банки. Также внимательно осматривал лейтенант кисточку и, тщательно завернув ее в бумагу, заменил своей, новенькой.

И вопросы, которые он задавал ей, показались Ире странными. Он спросил, сколько у агентства почтовых ящиков, где они расположены, в какие часы вынимают почту.

В свой обеденный перерыв Ира видела лейтенанта в регистратуре санатория. Он просматривал учетные кар-

точки больных и делал какие-то отметки в записной книжке.

Когда Ира отпустила последнего посетителя и стала подсчитывать марки и деньги, лейтенант снова зашел на почту. Он подождал, пока она освободится, и пошел ее провожать.

Нет, ничего странного в его поведении теперь Ира не заметила. Лейтенант Кузовков оказался интересным, веселым человеком. Он был капитаном баскетбольной команды местного «Динамо», учился в заочном юридическом институте. Они говорили о кино, спорте и литературе. Обоим нравилась новая повесть в журнале «Юность». Потом лейтенант спросил:

— Кстати, Ира, у вас в санатории отдыхает некто Владимир Дмитриевич, вы не знаете...

— Это, наверное, Карамурза? Как же, знаю. Молодой, интересный, но что-то в нем холодное, неприятное, глаза как у рыбы. Он часто посылает письма. Но сейчас он уже не живет здесь, вчера выписался, ему отказали в путевке на следующий срок.

— А куда он уехал?

— Он не уехал. Снял комнату где-то в городе. Сегодня заходил, спрашивал, нет ли ему писем.

10

КОГДА ГОРЯЕВ подошел к зданию прокуратуры, рабочий день еще не начался. На истертых железных ступенях стояли двое ребят. Оба были в пионерских галстуках, и, вероятно, это, а может быть, необыкновенно серьезное выражение их лиц придавало им торжественный вид. Горяев узнал уже знакомых ему мальчиков, которых он допрашивал по делу Курашева.

— Мы к вам, Игорь Петрович, по важному делу, — одновременно проговорили они, перебивая друг друга, как будто заранее подготовили эту фразу, но не успели условиться, кто ее скажет.

— Ну, рассказывайте, какое у вас важное дело.

— Вот вы посадили в тюрьму Алешиного папу, — волнуясь, начал Кучеров, — только ведь он не виноват, он Алешу не мог отравить.

— Думаешь, не он? А кто же это сделал, по-твоему?

— Кто, я не знаю, но что не он, это уж точно.

— Кто виноват, ты не знаешь, а почему же ты так уверен, что Алешин папа не мог дать сыну ядовитый порошок?

На это ответил Гена Яшин. Видно было, что они с Колей много раз этот вопрос обсуждали, и Гена говорил уверенно.

— Алеша всегда рассказывал, что папа его любит и жалеет. Он даже из морского флота ушел, чтобы жить вместе с Алешей.

— Все это, ребята, верно. И гостинцы отец Алеше приносил, и обновки покупал. Но вот внимания уделял сыну мало, особенно в последнее время. Мальчика обижала мачеха, а отец не заступался за него. А нужно было. Что ни говорите, а Иван Сергеевич перед сыном очень виноват, даже если думать, что не он отравил Алешу. Потом эта история с глистами. Почему-то он вздумал лечить от них Алешу, хотя тот и болен-то не был...

Гена перебил следователя:

— Игорь Петрович, ведь это тетка Володис научила Алешиного отца. Она сказала, что у Алеши глисты, и велела давать лекарство. Забыл, как называется, мне тоже его давали, противное такое, не отплюешься. Алеша об этом нам с Колей и еще Валерке Ковальчуку из нашего класса рассказывал. Вот, честное пионерское, правда...

Это было странно. Ведь Володис, когда ее допрашивал Горяев, а потом и на очной ставке с Курашевым яростно отрицала, что у них был разговор об Алеше. Она кричала, что Курашев выдумал этот разговор, чтобы оправдаться. Горяеву тогда показалось, что свидетельница уж очень горячится, но ее незаинтересованность в исходе дела не вызывала сомнений. Неужели Володис лгала? Ведь она не могла не понимать, что губит невиновного. Зачем? Кто заинтересован в том, чтобы осужден был Курашев? Какая связь между Володис и тем, неизвестным? Все это он, Горяев, обязан распутать...

* * *

Достаточно было взглянуть на улыбающегося Кузовкова, чтобы понять, что у того хорошие новости.

— Ну, Игорь Петрович, кажется, сошлось в цвет, — сказал Кузовков, усаживаясь поудобнее и доставая сигарету. Горяев знал, что этим словечком «в цвет» работ-

ники розыска называют удачный выход на след преступника.

Лейтенант Кузовков имел все основания быть довольным. Анализы клея и чернил подтвердили предположение, что анонимное письмо написано в почтовом агентстве санатория «Угольщик». Кроме того, Кузовков просмотрел списки больных и персонала обоих санаториев и карточки адресного стола. Во всем районе оказалось три Владимира Дмитриевича: старый врач-пенсионер, продавец газетного киоска и отдыхавший в санатории Владимир Дмитриевич Карамурза.

— Но самое любопытное, Игорь Петрович, вот это, — Кузовков положил на стол архивную справку адресного стола о том, что Дмитрий Михайлович Карамурза и сын его Владимир Дмитриевич проживали на улице Гуляй-ветер, в доме № 17 до 1944 года.

Так выяснилось, что Курашев, приехав в город, поселился в доме, принадлежавшем некогда отцу Владимира Карамурзы.

В местном райотделе МВД нашлись и другие материалы об этой семье. Во время немецкой оккупации отец был бургомистром, а сын служил переводчиком в полиции. Оба были в 1944 году арестованы. Владимира после проверки освободили, и он куда-то выехал, а отца его военный трибунал осудил к лишению свободы. Сохранились документы с фотокарточками и отпечатками пальцев отца и сына.

Теперь у Горяева были три отпечатка кожных узоров указательного пальца: тот, что был найден на банке с бертолетовой солью, отпечаток автора анонимного письма и отпечаток на официальном документе, подтвержденный подписью его владельца.

Взяв лупу, Горяев не без волнения сопоставил линии основных узоров. Они совпадали. Сделав отметки красными чернилами в точках сходства, он сказал Кузовкову, ожидавшему результата:

— Все три отпечатка принадлежат вашему подопечному — Владимиру Карамурзе.

— Игорь Петрович, вы не думаете, что пора бы нам поместить «подопечного» в надежное место, а перед Кабановым поставить вопрос об освобождении Курашева?

— Нет, пока не с чем идти к Кабанову. Никакой прокурор не даст вам при таких уликах санкцию на арест, — ответил Горяев. — У нас еще совсем в тени такая

колоритная фигура, как «мадам Володис». Мне кажется, что звонила по телефону об убийстве мальчика именно она. Володис была соседкой Карамурзы, она живет в доме номер пятнадцать. Надо проверить ее показания. Думаю, что они ложные. Нет, считать дело выясненным еще рано.

* * *

В обеденный перерыв Горяев подсел к пожилой машинистке прокуратуры Наталье Федоровне. Она была местной жительницей, всех здесь знала и могла знать то, что интересовало Горяева.

— Лену Кнорре? Это по мужу она Володис. Конечно, знаю. Она была красавицей. Мы все знали, что у нее роман с Митей Карамурзой. Когда он приезжал на каникулы, они были неразлучны. Но ее родители были против их брака. Наверное поэтому случилось так, что она вышла замуж за Володиса и уехала куда-то далеко. Сюда она возвратилась только в тридцатом году. Они снова встретились с Карамурзой и, представьте, продолжали любить друг друга, как будто разлуки и не было.

— Куда же он девался, этот Карамурза? — спросил Горяев.

— Он был офицер и, когда Красная армия заняла Крым, убежал с белыми. Позже ему разрешили вернуться, и он жил в своем доме, служил бухгалтером...

— А при немцах?

— При немцах он стал бургомистром. Потом наши его арестовали и судили. Он писал из колонии Елене Харитоновне...

Теперь Горяеву стала понятной связь между Владимиром Карамурзой и бывшей любовницей его отца.

11

У КРЫЛЬЦА опустевшего дома Курашевых снова стоял синий газик с красной полосой на борту. Горяев и лейтенант Кузовков решили еще раз все осмотреть. В свое время они тщательно произвели осмотр, но, как знать, может быть, теперь удастся обнаружить что-нибудь новое. Многое, чему он, Горяев, раньше не придавал значения, могло оказаться важным в свете новых

данных следствия. И, кстати, надо было проверить, не побывал ли кто в доме.

Кузовков привел двух соседок. Они будут присутствовать при осмотре в качестве понятых. Начали снаружи. Тщательно осмотрели каждый метр земли вокруг дома, окна, двери.

— Нет, Игорь Петрович, с того дня, как дом покинула жена Курашева, никто сюда не пытался проникнуть, — озабоченно сказал Кузовков. — Давайте посмотрим внутри. ~

Осмотр пола и мебели в комнатах и кухне не дал ничего существенного. Но вот на стене большой комнаты, где был расположен камин, Горяев нашел множество почти незаметных вмятин, как бы от постукивания по стене молотком.

— Давайте попробуем найти ледоруб, — предложил Горяев, — если верить Курашеву, то ледоруб должен быть здесь, в доме.

Ледоруб оказался на шкафу. При осмотре в лупу восьмигранного обушка ледоруба Горяев отчетливо увидел на металле частицы известки.

Он сравнил обушок с вмятинами, которые были обнаружены на стене. Они имели ту же характерную восьмигранную форму, что и обушок ледоруба.

— Лейтенант, — позвал он Кузовкова, — полюбуйтесь, чем занимался здесь таинственный владелец ледоруба. Он простукивал стены. Клад что ли искал?

Кузовков осмотрел ледоруб и следы на стене.

— Может, и клад. Ведь не качество же штукатурных работ он проверял таким способом? Знаете что, Игорь Петрович, давайте-ка сами поищем. Чем черт не шутит, а вдруг нам повезет больше, чем этому альпинисту?

— Что же, здравая мысль, — согласился Горяев. — Если мы найдем то, что искал альпинист, как вы его назвали, мы, может быть, приблизимся к разгадке всего дела. Но как искать? Не начать же и нам простукивать стены?

— А что если пошарить миноискателем? — подумав, сказал Кузовков. — Стены каменные, и если в том, что мы ищем, есть металл, то найдем в два счета. Я ведь в армии был сапером, с миноискателем обращаться умею.

Предложение было дельное. Кузовков на машине поехал в воинскую часть. Миноискателя ему не выдали,

но после долгих объяснений согласились отрядить минера для помощи в поисках.

Сержант-сверхсрочник Русадзе был доволен заданием. Романтика розысков его заинтересовала. Выслушав Кузовкова, он вынул из кармана сигаретницу.

— Курите, — предложил он лейтенанту и показал на крышку. — Видите, здесь выгравирован мой жизненный девиз: «Бороться и искать». Так и будем действовать.

И вот они у дома Курашевых.

— Порядочек, — сказал Кузовков, глядя, как сержант вынимает из чехла миноискатель и одевает наушники, — сейчас мы обнаружим древний клад современным электромагнитным миноискателем.

Но все оказалось не так просто. Чем дольше водил сержант миноискателем по стенам и полу, тем скучнее становился Кузовков. Прошел час и еще час, а минер все так же безрезультатно шарил по стенам своим новейшим прибором. Потом наушники надел Кузовков и стал искать сам. Наконец, он опустил миноискатель и, усевшись на диван, закурил.

— Вот что, Игорь Петрович, или тут нет никакого клада, или он упрятан в пластмассовый сундук, — сказал Кузовков с нескрываемым раздражением.

— Как знать, может, никакого клада и нет. А может, наш альпинист успел его найти и, вероятно, обошелся без миноискателя. Все может быть. Но искать мы обязаны, — холодно ответил Горяев. — Давайте-ка поищем в камине. Камин, кажется, декоративный, в нем только и прятать.

Оказалось, что миноискателем шарить в камине неудобно. Тогда рассерженный Кузовков снял китель, повязал голову платком и сам полез в камин. Было слышно, как он ворчит там и чертыхается. Прошло минут пять.

— Кажется, что-то есть, какая-то дверка, — слышался его голос. — Подайте долото, оно на столе в кухне.

Долото подали, и еще несколько долгих минут слышались возня и бормотанье Кузовкова, которому, очевидно, было очень неудобно взламывать дверку в узкой трубе. Затем он весело закричал:

— Все в порядке, нашел!

Кузовков вылез из камина весь в пыли и паутине. В руках у него был железный ящик.

Когда ящик в присутствии прокурора, представителя финансового отдела и понятых вскрыли, там оказалась большая пачка денег в иностранной валюте, когда-то ценные, а теперь давно уже потерявшие всякую ценность акции Азовско-Донского коммерческого банка, выигрышные билеты и купчая крепость на участок земли у Медведь-горы.

Под этими пожелтевшими от времени бумагами лежали бриллиантовые серьги в зеленой сафьяновой коробочке, кольцо, нитка жемчуга, несколько колец, орден Владимира с мечами и жетон Жокей-клуба.

Но самым важным для Горяева, а может быть, вообще самым ценным был, пожалуй, золотой портсигар с бриллиантовой царской короной и вензелем. Внутри массивного портсигара была надпись: «Ротмистру Ольвиопольского уланского полка Дмитрию Михайловичу Карамурзе за заслуги перед высочайшей фамилией. 24 февраля 1913 года».

Следователь предупредил понятых о том, что они должны все держать в тайне.

Теперь, после находки железного ящика, Горяеву стало ясно, почему Владимир Карамурза не уезжает из Крыма. Он охотится за отцовскими ценностями и хочет взять их во что бы то ни стало. Не такой это, видимо, человек, чтобы бросить то, из-за чего он пошел на преступление. Карамурза попытается снова проникнуть в дом. Ведь он спокоен: Курашев в тюрьме, следствие как будто прошло мимо него, и если он следил за домом Курашевых, то видел, что следственные работники осмотрели его в третий, очевидно, в последний раз. Что ж, надо приготовить «наследничку» достойную встречу.

12

ВЕСНОЙ НА ЮГЕ ночи светлые. Но в эту ночь небо заволочло тучами, было душно: к грозе. Где-то там, вдалеке, дождь уже шел, край небосклона пронизывали молнии, и слышны были раскаты грома. Городок давно уже спал. Желтый свет редких уличных фонарей скудно освещал пустые улицы.

В эту ночь дежурным по районному отделу милиции был лейтенант Кузовков, а за домом Курашева наблюдали оперуполномоченный Атнашев и сержант милиции Бойко. Хотя Кузовков с Горяевым подробно проинструктировали их, все же лейтенант был неспокоен.

Перед рассветом Кузовков решил оставить дежурство на старшину и съездить к Медведь-горе. Он не стал будить шофера оперативной машины, а сам сел за руль «разгонного» газика и уже знакомой дорогой поехал к дому Курашева. В ярком свете фар знакомые улицы казались необычными. Ни одного пешехода, ни одной машины не попало ему навстречу.

Проезжая по улице Гуляй-ветер, он увидел, как в самом конце ее, очевидно, за пустырем, в окне ярко вспыхнул свет. Это могло быть только в доме Курашева. Лейтенант, выключив фары, доехал до пустыря и, оставив в кустах машину, побежал к дому. Он осторожно обошел его и заметил, что кухонная дверь открыта, а Бойко и Атнашева нигде возле дома нет.

Он нашел их в столовой, где они обыскивали задержанного, человека спортивного вида, в сером шерстяном свитере и синих брюках.

Когда вошел Кузовков, человек в свитере с нескрываемым интересом посмотрел на него:

— Ну вот, славу богу, появилось начальство. Не находите ли вы, что пора прекратить эту наскучившую мне детективную историю? Честное слово, у меня в кармане нет атомного пистолета. Вы позволите мне опустить руки?

— Можете опустить, — ответил Кузовков и подумал: «Так вот ты какой, «альпинист».

Обращаясь к оперуполномоченному, он спросил:

— Товарищ Атнашев, при каких обстоятельствах задержан гражданин?

— Он пытался проникнуть в дом, никаких документов при нем не оказалось, — ответил, приняв положение «смирно», оперуполномоченный.

— Я вижу, меня собираются обвинить в банальной краже. Срам какой, — сказал незнакомец, устраиваясь на диване. Он осторожно закинул ногу на ногу, так чтобы не измять складку на брюках, и продолжал: — Эти два молодых человека, вероятно, ваши подчиненные? Должен вас огорчить: усердны, но уж совсем не умны..

— Прекратите паясничать и объясните, кто вы и как сюда попали, — сухо сказал Кузовков.

— Вот это другое дело. Если бы молодые люди догадались спросить меня, кто я и зачем сюда пришел, я охотно рассказал бы им обо всем. Тогда незачем было бы кричать «руки вверх» и устраивать комедийные мизансцены. Извольте: моя фамилия Карамурза, зовут Владимир Дмитриевич. Я инженер-судостроитель, работаю в Мурманске, а здесь нахожусь в отпуске. Если это вас удовлетворяет, разрешите мне покинуть приятное общество.

— Всему свое время. Скажите, где вы сейчас проживаете и где ваши документы? — спросил Кузовков.

— Что ж, нужно признать, что и это разумный вопрос. Молодые люди, должен вас поздравить, у вас очень неглупый начальник. Я сейчас живу у своей тетушки, Елены Харитоновны Володис, улица Гуляй-ветер, пятнадцать. Естественно, что и документы мои там же. Пройдемте, это рядом, я вам их предъявлю.

— Для чего вы пытались проникнуть в этот дом?

— Видите ли, это дом моих предков, здесь я родился. Не знаю, поймете ли вы меня, но когда я проходил мимо, меня неудержимо потянуло зайти. Я знал, что дом сейчас необитаем, и думал, что ничего дурного от этого не произойдет. Я зашел просто посмотреть. Ну, скажем, по сентиментальности.

— Товарищ Атнашев, — сказал Кузовков, — составьте протокол задержания гражданина. — Он повернулся к Карамурзе: — Утром мы доложим о вашем задержании прокурору, и он решит, как поступить дальше.

Пока Атнашев заполнял бланк протокола, Карамурза мрачно сидел на диване. Не пытаясь острить, он коротко отвечал на вопросы. Это был уже не тот весельчак и остро слов, который только что свысока разговаривал с милицейскими работниками. Вероятно, только сейчас он понял, что арест его не случаен и что его, очевидно, ждали.

Так же мрачно сидел он на заднем сиденье машины между Бойко и Атнашевым.

*

— Моя фамилия Горяев, — сказал ему человек в форменном кителе. — Я веду следствие по вашему делу.

— Наконец-то! Я измучился, ожидая вас, товарищ Горяев, — ответил Карамурза, — ведь это какая-то дикая

история, я понятия не имею, кто такой Алеша Курашев, по делу об убийстве которого меня арестовали.

— Что ж, мы с вами во всем разберемся, — холодно сказал Горяев. — Кстати, называйте меня гражданин следователь. Вот постановление о привлечении вас в качестве обвиняемого. Прочитайте и распишитесь.

Карамурза взял протянутую ему бумагу и прочитал: «...обвиняется в том, что он приехал в город Д. с целью завладеть ценностями, спрятанными его отцом Д. М. Карамурзой в потайном месте, в доме № 17 по ул. Гуляй-ветер. Для осуществления этой цели он неоднократно проникал в дом, где проживал Курашев И. С. с семьей. 14 марта, находясь в доме Курашева, В. Д. Карамурза умышленно подменил лекарство, приготовленное для Курашева Алексея, 12 лет, ядом калиум хлорикум (бертолетова соль). Алексей Курашев принял яд вместо лекарства и в тот же день умер. Убийство было совершено с целью устранить Алексея Курашева, мешавшего Карамурзе в его поисках ценностей. Кроме того, он создал заведомо ложные доказательства виновности И. С. Курашева в убийстве сына...»

Карамурза читал долго. Видно было, как он стал читать документ второй раз, а затем и третий. Горяев ходил по кабинету, с любопытством наблюдая, как меняется лицо Карамурзы. Улыбка, с которой тот встретил следователя, исчезла. Лицо уже не было простым, открытым. Оно стало злобным, жестоким.

Когда Карамурза поднял на следователя глаза, это снова был человек, попавший в нелепую историю, которая, он убежден в этом, должна разъясниться.

— Обвинение вам понятно? — спросил Горяев. — Распишитесь, пожалуйста, в том, что вы ознакомились с постановлением, и я разъясню вам ваши права.

— Но послушайте, гражданин следователь, то, что здесь написано, — это выдумка, фальшивка. Я, действительно, пробирался в дом, принадлежавший моему отцу, и не отрицаю, что хотел взять ценности, на которые имею право, как его наследник. Но разве это преступление? Никакого Алексея я не знаю, никогда его не видел, понимаете, не видел! Карамурза потерял самообладание, он кликушески выкрикивал последние слова.

— Потихе, криком делу не поможешь, — сказал Горяев. — Лучше распишитесь на постановлении. Кстати, мы знаем и то, что отец ваш осужден за измену родине

с конфискацией имущества и умер в колонии. Значит, никакой вы не наследник, а ценности хотели украсть.

Горяев заполнил бланк протокола допроса. Карамурза признал себя виновным в попытке хищения ценностей, но отрицал убийство.

— Ну что ж, ваше право — давать любые показания, — сказал Горяев, когда протокол допроса был уже подписан, — но это ничем вам помочь не может. Ваша сообщница Володис арестована, вы были с ней вполне откровенны, и она дала подробнейшие показания о том, как вы пробирались в дом, как убили собаку, как отравили Алешу. Вы познакомились с женой Курашева...

— Володис лжет, она всегда меня ненавидела.

— Вам будет дана очная ставка с Володис. Но дело не только в ее показаниях. При обыске в ваших вещах мы нашли украденный вами детский кинжал и чехол от ледоруба. Кстати, зачем вам понадобился кинжал?

— Чертова сентиментальность. Когда-то этот кинжал был моей любимой игрушкой.

— Сентиментальность не помешала вам, однако, хладнокровно убить двенадцатилетнего мальчика. На банке с ядом и на письме, которое вы прислали в прокуратуру, следы ваших пальцев. Вы справлялись в аптеке, насколько сильный яд бертолетова соль. Мы нашли и допросили фармацевта, с которым вы об этом говорили. Как видите, вас окружает стена улик. Подумайте хорошенько, Карамурза. Пожалуй, выгоднее быть искренним. Подумайте. Я буду у вас через день-два.

* * *

Через несколько дней Карамурза дал подробные показания. Он покался и все признал. Но толкнула его на преступление Володис...

— Оставим пока Володис, — прервал его Горяев. — Расскажите лучше, как вам пришлось в голову искать ценности, спрятанные вашим отцом?

— В колонии отец заболел... Застал я его в тюремной больнице в тяжелом состоянии, а через несколько часов он умер. Он узнал меня и, кажется, обрадовался, хотя всегда был ко мне равнодушен. Говорил он невнятно, я понял только несколько слов: «Дома... я спрятал ценности, возьми себе... в гостиной...». И вот зимой я приехал сюда, поселился у Володис, все ей рассказал, обещал с ней поделиться. Потом купил путевку в сана-

торий «Угольщик»... При немцах отец ворочал крупными делами, и я думал, что найду много...

— Мы нашли эти ценности. Они не так уж велики.

— Не велики, говорите? Пожалуй, теперь мне все равно. Так вот. Я познакомился с Зоей Курашевой, начал за ней ухаживать и добился того, что она привела меня в дом. Снять оттиск ключа было несложно, и я несколько раз пробирался в дом, но все второпях. Где искать? В стенах? Под полом? Этого я не знал. Предполагал, что тайник где-то у камина. Время шло, мне пора было уезжать, а я все еще ничего не добился. Когда я узнал от Зои, что мальчик сломал ногу и ему наложили гипсовую повязку, я пришел в отчаяние. Это значило, что всё пропало, поиски невозможны, по крайней мере, в течение месяца. Что было делать? Володис твердила, что мальчика нужно убрать. Я обругал ее, но эта мысль запала мне в голову, и я подготовился к такому варианту. И все-таки убийства я не хотел. Это произошло неожиданно. Я узнал от Зои, что рано утром в воскресенье она с мужем уйдет в город на несколько часов. Ночевал я у Володис и, как только увидел, что Курашевы ушли, пошел к дому. Заглянул в окно. Мальчик спал.

— Но вы же предполагали, что мальчик проснется?

— Да. В санатории я стащил пузырек с хлороформом. Достаточно было положить на лицо спящему мальчику вату, смоченную хлороформом, и я мог спокойно искать несколько часов. Но когда я вошел в гостиную, мальчик уже проснулся. Что было делать? Все ггло, планы мои рушились. Ко всему прочему мальчик меня узнал. Мне стало ясно, что есть только один выход. Так просто было подменить один порошок другим. Казалось, провала быть не может. Записка, которую я видел на столе, называла виновного. И, действительно, следствие приняло ту версию, которую я предвидел. Через Зою и Володис я знал о каждом вашем шаге. Арестовали Курашеву. Дом стоял пустым, вы осматривали его трижды. Это видели я и Володис. Мы решили, что опасности больше нет, и вот тут-то мною была допущена ошибка...

— Нет, Карамурза, дело не в том, допустили вы ошибку или нет. Следы всегда остаются. И еще потому нам удалось вас разыскать и изобличить, что на нашей стороне все честные люди и они нам помогают.
